Варшава 1914

В317
Боб

ПРОВ. 1957

Бр.

Этюды по исторіи древней философіи.

Проф. **Е. А. БОБРОВА.**

Одною изъ любопытнѣйшихъ главъ во всей исторіи древне-греческой философіи являются жизнь и дѣла Сократа. Эта глава теперь все болѣе и болѣе сосредоточиваетъ на себѣ вниманіе спеціалистовъ-изслѣдователей.

Нѣтъ и не было изъ числа древнихъ мыслителей личности болѣе популярной, чѣмъ Сократъ. О Сократѣ знаетъ всякъ грамотный. Но, чѣмъ болѣе углубляемся мы въ первоисточники, тѣмъ болѣе убѣждаемся мы въ томъ, что наши ходячія свѣдѣнія о Сократѣ во многомъ л и не соотвѣтствуютъ даже тѣмъ скуднымъ фактамъ, какіе намъ извѣстны и до насъ сохранились.

42492

Скромную попытку обозрѣть нѣкоторые изъ нажнѣйшихъ первоисточниковъ о Сократѣ, объ его учителяхъ и ученикахъ и представляютъ наши „Этюды" [1]).

Переходя къ разсмотрѣнію источниковъ, которые даютъ намъ показанія о Сократѣ, отмѣтимъ, что самъ философъ не оставилъ никакихъ сочиненій. Все, что̀ извѣстно о Сократѣ,

---

[1]) Разсмотрѣніе біографіи Сократа, составленной Діогеномъ Лаэртскимъ, см. въ нашемъ Отчетѣ о занятіяхъ во время ученой командировки 1911 года. Къ работамъ о Сократѣ мы старались направлять и нашихъ учениковъ, какъ то *П. А. Боковнева* и *А. А. Яворскаго*, труды коихъ и появились уже въ печати, и еще печатаются.

ID

почерпнуто изъ сочиненій позднѣйшихъ мыслителей, напр., Платона, Ксенофонта, Аристотеля. Наконецъ выдвигаютъ еще четвертый источникъ—Аристофана съ его комедіями вообще и особенно—убійственною для Сократа комедіей—„Облака". На Аристофана, между прочимъ, указывалъ будто бы и Сократъ въ своей защитительной рѣчи, какъ на отдаленнаго виновника возводимаго на него обвиненія.

Про Платона слѣдуетъ замѣтить, что, если въ первыхъ діалогахъ онъ еще оставался болѣе или менѣе вѣрнымъ Сократу, то въ послѣдующихъ онъ значительно уклонился отъ взглядовъ своего учителя. Такъ, Сократъ, по свидѣтельству Аристотеля, не отдѣлялъ идей отъ вещей, а Платонъ именно отдѣлялъ. Поэтому, привлекая сочиненія Платона въ качествѣ источника, на основаніи котораго характеризуются личность Сократа и его ученія, должно строго слѣдить за тѣмъ, что нерѣдко Платонъ вкладывалъ въ уста Сократа тѣ выводы, которые самъ сдѣлалъ на основаніи словъ учителя, а не подлинное ученіе послѣдняго.

Помимо строкъ, посвященныхъ изложенію ученія Сократа, у Платона находимъ нѣкоторыя свѣдѣнія и о личной жизни великаго философа. Таково, напр., мѣсто въ „Симпозіонѣ", рисующее, какъ ждутъ на пиръ Сократа его друзья и ученики. Тутъ даётся характеристика личности Сократа. Это и подобныя ему свѣдѣнія могутъ быть приняты.

Перейдемъ къ другому источнику свѣдѣній о Сократѣ—Ксенофонту. Послѣдній не былъ философомъ-спеціалистомъ, поэтому и не въ состояніи былъ точно воспроизвести ученіе Сократа. Будучи человѣкомъ военнымъ (что-то вродѣ нынѣшняго кавалерійскаго полковника), Ксенофонтъ велъ далеко не осѣдлый образъ жизни. Его знакомство съ Сократомъ продолжалось до персидскаго похода, такъ что все, что̀ сообщаетъ онъ о Сократѣ послѣ этого похода, написано имъ со словъ другихъ. Нѣкоторые ученые полагаютъ, что показанія Ксенофонта о Сократѣ даже носятъ на себѣ окраску кинической школы, т. е., что это, собственно говоря, показанія Антисѳена, перенятыя Ксенофонтомъ.

Относительно третьяго источника — комедій Аристофана идутъ споры.

Что это за Сократъ, выведенный Аристофаномъ? Дѣйствительный ли это Сократъ или только воображеніе автора?

Одинъ ученый, *Рёкъ* написалъ книгу „Неподкрашенный

Сократъ" и въ ней утверждаетъ, якобы Сократъ погибъ, какъ атеистъ.

Но другой ученый, Тейлоръ, говоритъ, что Сократъ учредилъ что-то въ родѣ религіознаго ордена и проживалъ съ учениками въ „Фронтистеріонѣ", какъ въ обители.

Споры объясняются, преимущественно, скудостью свѣдѣній, которыя мы имѣемъ относительно Сократа.

Всѣ данныя относятся главнымъ образомъ къ послѣднему періоду его жизни. Мы не знаемъ, долго ли держалъ Сократъ мастерскую статуй, довольно изящныхъ (одна изъ нихъ „Хариты одѣтыя" были, по преданію, выставлена въ Акрополѣ). Для насъ загадоченъ переходъ отъ Сократа, содержателя мастерской, къ Сократу-философу-нищему.

Показаній Платона и Ксенофонта о Сократѣ игнорировать нельзя, но нужно осторожно относиться къ нимъ. Многое неудовлетворительно, кое-что заподозрѣно, а многое и прямо подложно. Подложными считаются нѣкоторые діалоги Платона, даже „Memorabilia" и „Apologia" Ксенофонта и др.

Аристотель и Сократъ.

Въ виду этого особенное значеніе получаетъ тотъ источникъ, къ которому стали обращаться въ послѣднее время это—сочиненія Аристотеля.

Правда, послѣдній не даетъ спеціальной монографіи. Его свѣдѣнія о Сократѣ разбросаны по разнымъ сочиненіямъ [1]).

Изслѣдователи, пытавшіеся на основаніи этихъ обломковъ дать обзоръ дѣлъ Сократа, встрѣчали со стороны другихъ ученыхъ упрёки.

Имъ указывали на то, что де незачѣмъ за свѣдѣніями о Сократѣ обращаться къ тенденціозному ученику Платона если у насъ есть самъ Платонъ.

Однако, согласиться съ этимъ упрекомъ нельзя.

Прежде всего Аристотель не держался исключительно одного лишь источника (Платона).

Аристотель владѣлъ обширною библіотекой. Въ ней

---

[1]) См. Paul *Bokownew,* Socrates' Philosophie in der Darstellung des Aristoteles въ Сборникѣ ΧΑΡΙΤΕΣ (въ честь 25-лѣтняго юбилея литературной и научной дѣятельности проф. *Е. А. Боброва* подношеніе учениковъ его).

очевидно, была и изящная словесность, такъ какъ онъ написалъ трактатъ о поэтикѣ. Аристотель написалъ „Исторію Аѳинскаго государственнаго строя"; повидимому, у него были и историческія сочиненія. Изъ философскихъ сочиненій онъ имѣлъ все, за исключеніемъ твореній(?) Ѳалеса. Едва ли поэтому въ своихъ показаніяхъ о Сократѣ онъ пользовался однимъ только Платономъ. Самъ же онъ упоминаетъ λόγοι Σωκρατικοί; по всей вѣроятности, была цѣлая литература статей о Сократѣ. Разсуждая принципіально, мы, слѣдовательно, можемъ сказать, что у Аристотеля была порядочная литература о Сократѣ. Правда, у Платона было громадное преимущество—личное знакомство. Но ученики Сократа не исчерпываются Платономъ: есть и другіе.

Кромѣ того, Аристотель можетъ быть объективнымъ. Онъ не находился подъ личнымъ обаяніемъ Сократа, какъ это было съ Платономъ, Локальнаго патріотизма также не было у Аристотеля. Онъ—въ Аѳинахъ гость и былъ даже потомъ изгнанъ оттуда. Все это говоритъ въ пользу возможной объективности свѣдѣній Аристотеля о Сократѣ.

Дѣйствительно, когда мы разсматриваемъ показанія Аристотеля, то прежде всего бросается въ глаза безпристрастность его сужденій о Сократѣ. Гдѣ слѣдуетъ, онъ хвалитъ этого философа, но неумытно отмѣчаетъ также и недостатки его. Напр., Аристотель говоритъ, что Сократъ болѣе правъ, нежели Платонъ, такъ какъ молъ онъ не отдѣлялъ идей отъ вещей. Въ другомъ мѣстѣ онъ уже не одобряетъ Сократа за то, что тотъ отдалилъ философію отъ изученія природы къ нравственно-политическому міру.

Переходя теперь къ разсмотрѣнію тѣхъ важнѣйшихъ мѣстъ, гдѣ Аристотель говоритъ о Сократѣ, мы должны замѣтить, что въ однихъ онъ отмѣчаетъ заслуги интересующаго насъ философа въ области логики, въ другихъ—въ области этики; при чемъ первыя—безусловны, вторыя—спорны.

а) Заслуги Сократа въ области логики.

Аристотель говоритъ, что Сократъ, разсуждая объ этическихъ добродѣтеляхъ, *первый* сталъ отыскивать въ этой области *общія опредѣленія.*

Разумно искалъ онъ сущности предметовъ (Аристотель желалъ вести разсужденія силлогистически, начало же силлогизмовъ—сущность вещей).

Справедливо Сократъ установилъ *индуктивный методъ* и *общія опредѣленія,* и это относится къ самой основѣ науки. Но Сократъ не отдѣлялъ общихъ сущностей (идей) отъ вещей. (Arist. Metaph. XI, 4, 1078b. 1731).

До Сократа Демокритъ отыскивалъ общія сущности, но онъ не ставилъ необходимыхъ требованій въ этомъ направленіи, а самимъ дѣломъ приносился (ἐκφερόμενος) къ тому. Съ Сократа же это увеличилось (ηὐξήθη), но онъ отклонилъ философію отъ природы къ изслѣдованію этики и политики (Arist. de part. anim. I).

Въ „Метафизикѣ" находимъ такую мысль: „Сократъ разсуждалъ объ этическихъ добродѣтеляхъ, но ничего о цѣлой природѣ. Но въ этихъ предметахъ искалъ общаго и первый обратилъ вниманіе на научныя опредѣленія". (Arist. Metaph. I, 6, 987b 1—4).

Такимъ образомъ Сократъ первый послѣ Демокрита поставилъ наукѣ такую задачу: оперируя индукціею, приходить къ отыскиванію понятій, при чемъ эти общія понятія выражаютъ сущность вещей. Сократъ сознательно настаиваетъ на томъ, что содержаніе науки есть не частности, а общія понятія. Наука есть совокупность понятій – вотъ точка зрѣнія Сократа, съ которою, разумѣется, совпадаетъ и наша современная.

Хорошей иллюстраціею къ этимъ мыслямъ можетъ служить способъ веденія бесѣдъ Сократомъ. Онъ самъ ничего не сообщалъ собесѣднику отъ себя, а только у него просилъ поученія, потомъ задавалъ вопросы, въ заключеніе же благодарилъ за то, что научилъ его де ничего не знающаго (Arist. de soph. elench. 35, 183b 7, 8). Прекрасно владѣя діалектикой, Сократъ быстро разлагалъ тѣ мнимыя знанія, которыми владѣлъ собесѣдникъ. Потомъ путемъ опять-таки вопросовъ старался выдѣлить изъ всего разсужденія какое-либо общее положеніе.

Велъ онъ бесѣды и съ молодыми неопытными людьми, и со спеціалистами. Если діалоги, которые Сократъ велъ съ первыми, носили иронической характеръ, то въ послѣднемъ случаѣ они принимали зловѣщую окраску. Въ самомъ дѣлѣ, приходитъ онъ къ оружейному мастеру или другому какому-либо спеціалисту и проситъ поученія. Тотъ сообщаетъ, что знаетъ. Но неумолимая логика Сократа приводитъ собесѣдника къ убѣжденію, что онъ собственно ничего не знаетъ, хотя и мнилъ себя, какъ спеціалистъ, въ своемъ дѣлѣ все-

знающимъ; между тѣмъ Сократъ, не учившійся такому ремеслу, на самомъ дѣлѣ знаетъ больше.

Конечно, такимъ путемъ себѣ Сократъ не могъ нажить друзей.

Теперь возникаетъ вопросъ, что значитъ Сократово „не знаю", которое онъ произносилъ и въ началѣ, и въ концѣ бесѣды. Скептицизмъ ли это или нѣчто иное?

„Невѣдѣніе" Сократа это прежде всего—полная объективность; онъ убѣжденъ, что истина заключается въ каждомъ индивидуумѣ: слѣдуетъ только „повивать" дремлющую въ умѣ мысль, — и она выйдетъ на свѣтъ Божій; никакихъ вѣхъ въ видѣ готовыхъ знаній ставить тутъ не слѣдуетъ. Во вторыхъ, его „не знаю" значитъ то, что знаній *нѣтъ* у насъ до тѣхъ поръ, пока мы не обладаемъ *общими понятіями* въ извѣстномъ дѣлѣ. Если оружейный мастеръ, генералъ или кто либо другой не конструировали общихъ понятій о своей спеціальности, то они еще ничегошеньки не знаютъ. Наука есть совокупность понятій; пока не образованы понятія, науки нѣтъ. Какъ же отыскивать общія понятія? Путемъ индуктивнымъ, который у Сократа состоялъ въ рядѣ вопросовъ, предлагаемыхъ собесѣднику.

Такъ самые пріемы бесѣды иллюстрируютъ логическіе взгляды Сократа.

б) Этическія воззрѣнія Сократа.

Посмотримъ теперь, какъ Аристотель характеризуетъ этическіе взгляды Сократа.

Какъ мы видѣли, цѣль науки, по Сократу, есть отыскивать общія понятія и по преимуществу—въ этической области.

Аристотель говоритъ, что „старикъ Сократъ полагаетъ, что цѣль научнаго изслѣдованія это—познать добродѣтель, и онъ (Сократъ) разыскиваетъ, въ чемъ состоитъ сущность справедливости и храбрости и каждой изъ частей этой (добродѣтели)" [1]. Такимъ образомъ цѣль науки—познать сущность добродѣтели, т. е. установить, какое, напр., можно дать общее опредѣленіе справедливости, храбрости, благочестію и каждой изъ частей этихъ добродѣтелей.

Практически эту задачу Сократъ осуществлялъ такъ:

---

[1]) Arist. Mor. Eud. I, V 1216b 2—10.

онъ изслѣдовалъ, напр., рядъ поступковъ, которые люди называютъ справедливыми, и путемъ разсмотрѣнія ихъ выводилъ, что же такое сама по себѣ справедливость. Конечно, какъ и прочіе греческіе философы, Сократъ былъ связанъ роднымъ языкомъ, и его терминологія отражала на себѣ міровоззрѣніе греческое. Поэтому, напр., его представленіе о благочестіи значительно разнится отъ нашего („Евтифронъ").

Чѣмъ же руководствовался Сократъ, ставя такія цѣли наукѣ?

„Онъ думалъ, говоритъ Аристотель, что всѣ добродѣтели суть знанія, и что знать о справедливости и быть справедливымъ *одно и то же*" [1]). Мысль, что „будучи обучены геометріи и домоводству, мы тѣмъ самымъ дѣлаемся геометрами и хорошими хозяевами", соблазняла Сократа и онъ распространилъ ее и далѣе, утверждая, что, если мы изучимъ добродѣтели, то будемъ реально добродѣтельны.

Но, добавляетъ Аристотель, „неправильно Сократъ изъ добродѣтелей сдѣлалъ науки: изученіе *понятій* о добродѣтели не дѣлаетъ человѣка добродѣтельнымъ". Дѣйствительно, если кто занимался съ Сократомъ наукою о добродѣтели, то это еще отнюдь не значило, что онъ долженъ былъ стать добродѣтельнымъ, если же дѣлался таковымъ, то тутъ сказывалось только вліяніе обаятельной личности учителя.

Не соглашаясь вообще съ теоріею Сократа, Аристотель приводитъ частный примѣръ, гдѣ оттѣняетъ эту разницу взглядовъ.

„Правъ Сократъ", говоритъ онъ, „что ничего нѣтъ сильнѣе благоразумія; но въ томъ, что де оно есть знаніе, не правъ; оно есть добродѣтель, а не знаніе" (Mor. Eud. VII, 13 1246b 33—36).

Итакъ, въ области этики Сократъ установилъ изслѣдованіе сущности добродѣтели, т. е. онъ стремился дать опредѣленіе той или иной добродѣтели, разсмотрѣвъ группу поступковъ, обычно обозначаемыхъ въ обиходномъ языкѣ названіемъ соотвѣтствующей добродѣтели.

А чего же Сократъ еще не дѣлалъ въ разсматриваемой области? „Онъ, говоритъ Аристотель, не разсматривалъ, какъ добродѣтель возникаетъ (γίγνεται) и изъ какихъ психическихъ элементовъ (ἐκ τίνων) она складывается". (Mor. Eud. I, 7, 1216b

---

[1]) Ibid.

2—10). Т. е., Сократъ не касался вопроса о *психогенезисѣ добродѣтели.*

Почему Аристотель указываетъ на это? Да потому, что, только игнорируя разсмотрѣніе этого вопроса, Сократъ и могъ придерживаться своей теоріи (добродѣтель — знаніе). А если бы онъ разсмотрѣлъ, какъ именно возникаетъ добродѣтель, изъ какихъ психическихъ элементовъ она складывается, то увидѣлъ бы, что добродѣтельнымъ человѣкъ становится не черезъ науку, но черезъ воспитаніе чувства и воли. Правда, въ добродѣтель въ качествѣ составного элемента входитъ и разсужденіе, но для того, чтобы быть добродѣтельнымъ, надо воспитать нравственное чувство и волю, а не ограничиться развитіемъ одной способности души—логической.

Сократъ, отдавъ предпочтеніе разуму предъ остальными способностями души,—въ сферѣ нравственно-практической дѣятельности не ограничился этимъ: онъ подчинилъ чувства и волю разсудку.

По его мнѣнію, у человѣка разсуждающаго и обладающаго соотвѣтственнымъ этическимъ знаніемъ, не произойдётъ увлеченія страстью: ἐπιστήμης παρούσης οὐ γίνεται τὸ πάθος [1]). Но это—преувеличеніе. Возьмемъ ревность. Эта страсть одинаково охватываетъ какъ ученыхъ, такъ и невѣждъ. Люди выходятъ изъ себя и часто поступаютъ чрезвычайно неблагоразумно. Между тѣмъ, строго говоря, съ точки зрѣнія холоднаго разсужденія измѣнившій или измѣнившая не заслуживали бы ничего другого, кромѣ презрѣнія и игнорированія.

Придерживаясь своей ошибочной точки зрѣнія, Сократъ, какъ сообщаетъ Аристотель, говорилъ: Странно, чтобы что-либо другое увлекало и порабощало человѣка, какъ раба, если только въ немъ прочно сидитъ знаніе. Нѣтъ ни одного человѣка знающаго, который бы поступалъ, вопреки наилучшему, а если такъ онъ и поступаетъ, то лишь по невѣдѣнію.

Это слово, добавляетъ Аристотель, явно идетъ въ разрѣзъ съ очевидностью. Слѣдовательно, точка зрѣнія Сократа такова: не можетъ быть такого человѣка, который поступалъ бы, вопреки тому, что́ разумъ его призналъ за наилучшее. Исключеніе составляютъ люди, въ силу своего положенія не получившіе образованія (напр., рабы).

Эта точка зрѣнія не чужда и нашему времени. Вѣдь и

---

[1]) Arist. Eth. Nic. VII, 2, 3, 1147b 14—17.

мы чему-то безсознательно удивляемся, когда узнаемъ, что интеллигентный, развитой человѣкъ совершилъ какое-либо преступленіе.

Развивая далѣе ту же мысль, Сократъ, по утвержденію Аристотеля, говаривалъ, что „никто, научно зная относительно зла, что оно есть зло, не сдѣлалъ бы его" (Arist. Magna Moral. II, 6, 1200 b 25—29).

Наконецъ, продолжаетъ Сократъ, „если бы мы спросили кого, чего онъ желаетъ - справедливаго или несправедливаго, — никто бы не избралъ послѣднее. То же самое относительно храбрости и трусости, а такъ же и прочихъ добродѣтелей".

Все это крайности, — и правъ Аристотель, добавляя къ подобнымъ положеніямъ Сократа: „Οὐκ ὀρθῶς", либо „Οὐκ ἔστιν ἀληθές".

Конечно, на словахъ почти никто не скажетъ, что де онъ хочетъ быть несправедливымъ. Но вопросъ не въ томъ, что́ скажетъ человѣкъ, а какъ поступитъ. Многіе именно и добровольно, и сознательно дѣлаютъ зло ради самаго зла...

Ошибка Сократа въ томъ, что всѣхъ людей, получившихъ истинныя знанія, онъ подгонялъ подъ одинъ типъ — интеллектуалистическій. Между тѣмъ, есть масса людей, у которыхъ преобладаетъ эмоціональная сторона души. Возможно, что на его выводы подѣйствовалъ и собственный опытъ. Сократъ, какъ замѣтилъ ему одинъ физіономистъ, былъ человѣкъ съ сильными и низменными страстями. Съ этимъ согласился и самъ философъ. Но въ его душѣ такъ возобладала (разсудочная) логическая ея сторона, что онъ не представлялъ, какъ страсти могутъ увлечь человѣка, занимающагося наукою.

Критикуя этическія воззрѣнія Сократа, Аристотель, однако, не могъ обойти молчаніемъ мысли, которыя казались ему справедливыми.

„Нѣтъ въ томъ никакой пользы, говорилъ Сократъ, если кто поступаетъ храбро и справедливо, но не имѣетъ правильнаго знанія (объ этихъ добродѣтеляхъ) и не предразмышляетъ разумомъ" (Arist. Magna mor. I, 35, 1198 a 10—13); по Сократу, человѣкъ, поступающій хорошо, но безсознательно, не думая, ни хорошъ, ни плохъ: онъ поступаетъ а-этично. Этично поступаетъ лишь тотъ, кто дѣйствуетъ сознательно и свободно. „Прекрасно сказалъ Сократъ", продолжаетъ Аристотель, „что безъ предварительнаго размышленія не можетъ быть

(Eth. Nic. VI, 13, 1144 b 17—21) добродѣтели". Съ этимъ заключеніемъ великаго грека намъ приходится только согласиться. Вѣдь и мы, напр., одобряемъ пса за тотъ или иной поступокъ, но не говоримъ, якобы онъ поступилъ этично. Почему? Да потому, что пёсъ не дѣлалъ предварительныхъ разсужденій о томъ, какой поступокъ его будетъ хорошъ, какой плохъ, не дѣлалъ *выбора* между ними. А этика только тамъ, гдѣ все совершается свободно, гдѣ есть выборъ между нравственнымъ и безнравственнымъ....

Учителя и ученики Сократа.

При изученіи Сократа намъ важно познакомиться какъ съ его ближайшими предшественниками, такъ и послѣдователями. Къ сожалѣнію, знакомство это не можетъ быть сдѣлано по первоисточникамъ: до насъ они не дошли. Правда, кое-какія свѣдѣнія имѣются Послѣднія мы почерпаемъ прежде всего у Діогена Лаэртскаго. Это былъ писатель, вѣрнѣе, переписчикъ, позднѣйшей эры. По всей вѣроятности, у него были подъ руками кое-какіе первоисточники, изъ которыхъ онъ и черпалъ матеріалъ для своего обширнаго компилятивнаго труда Какъ увидимъ ниже, свѣдѣнія, сообщаемыя Діогеномъ, отрывочны, а подчасъ и анекдотичны. Однако, за отсутствіемъ другихъ придётся воспользоваться и ими.

Изъ числа учителей Сократа отмѣтимъ Анаксагора Правда, прямыхъ указаній на то, что великій грекъ „слушалъ его лекціи" (ἤκουσεν) нѣтъ, но, несомнѣнно, они встрѣчались въ Аѳинахъ.

Вотъ что сообщаетъ о немъ Діогенъ.

Анаксагоръ.

Анаксагоръ, сынъ Гегезибула или Эвбула, былъ родомъ изъ Клазоменъ; слушалъ лекціи Анаксимена. Онъ первый выше матеріи поставилъ разумъ: свое сочиненіе онъ начинаетъ такъ: „Вначалѣ все было смѣшано между собой, затѣмъ привступилъ разумъ и привелъ все въ порядокъ"; поэтому ему самому дали прозвище Νοῦς [1]). О немъ Тимонъ въ „Силлахъ" (юмористическихъ стихотвореніяхъ) говоритъ:

---

[1]) Выдающіеся мыслители въ древней Греціи нерѣдко получали прозвище Νοῦς. Такъ, напр., и самого Аристотеля тоже величали Νοῦς'омъ.

„А гдѣ же надлежитъ пребывать Анаксагору, храбрѣйшему герою, „Разуму" (вѣдь таково было ему прозвище)? Онъ говорилъ: „Разумъ, внезапно возставъ, появившись, привелъ все въ порядокъ тамъ, гдѣ царствовалъ нѣкогда безпорядокъ".

Анаксагоръ отличался не только благородствомъ и богатствомъ, но и величіемъ духа: онъ уступилъ отцовское наслѣдство роднымъ. Тѣ обвиняли его въ томъ, что де онъ небрежно обходится съ имуществомъ. На это онъ отвѣтилъ: „что же вы сами не заботитесь о немъ"? Наконецъ онъ удалился и занялся изслѣдованіемъ природы, не заботясь о политикѣ.

Однажды его спросили: „Неужели тебѣ не дорога судьба отечества?"

„Молчите, сказалъ онъ, велика у меня забота объ отечествѣ", и указалъ при этомъ пальцемъ на небо [1]).

Передаютъ, что онъ былъ во время похода Кира двадцати лѣтъ, а жилъ 72 года.

Аполлодоръ въ своей Хроникѣ сообщаетъ, что онъ родился около 70-й Олимпіады, а умеръ около 78-й.

Началъ онъ заниматься въ Аѳинахъ при архонтѣ Каллидѣ, какъ говоритъ Деметрій Фалерскій въ „Описаніи архонтовъ"; здѣсь онъ прожилъ 30 лѣтъ. Ученіе Анаксагора было таково.

Анаксагоръ говоритъ, что солнце—раскаленный кусокъ желѣза величиною болѣе всего Пелопоннесса. Нѣкоторые относятъ это къ Танталу.

По мнѣнію Анаксагора, мѣсяцъ обитаемъ, на немъ есть горы и долины. Основные элементы всѣ однообразны. Какъ золото состоитъ изъ крупинокъ, такъ изъ однообразныхъ тѣлъ сплавлена вселенная.

Начало движенія—разумъ.

Тяжелыя тѣла занимаютъ нижнее мѣсто, какъ земля легкія—устремляются въ верхъ, какъ огонь; вода же и воздухъ занимаютъ середину.

Море осталось надъ землею, вслѣдствіе ея плоскости; солнце обращаетъ его влагу въ паръ.

---

[1]) Анаксагоръ много занимался астрономіею. И насмѣшка Аристофана въ комедіи „Облака" относится, быть можетъ, къ нему, а не къ Сократу. Аристофанъ изображаетъ Сократа висящимъ въ корзинѣ, чтобы поближе наблюдать небесныя явленія.

Млечный путь—отраженіе солнечныхъ лучей отъ звѣздъ, не освѣщенныхъ солнцемъ. Кометы—блуждающія звѣзды, испускающія огонь. Вѣтры возникаютъ, когда воздухъ разрѣжается солнцемъ. Громъ—столкновеніе облаковъ (см. у Аристофана). Молнія возникаетъ отъ тренія облаковъ. Землетрясенія бываютъ тогда, когда воздухъ попадаетъ въ середину земли.

Животныя возникли изъ земли подъ вліяніемъ сырости и тепла, а далѣе размножились другъ отъ друга.

Дѣти мужескаго пола зачинаются въ правой половинѣ матки, а женскаго въ лѣвой (см. у Парменида).

Говорятъ, что Анаксагоръ предсказалъ паденіе аэролита, который свалился у рѣки Айгòса (Козьей рѣки), и утверждалъ, что онъ свалился съ солнца.

Поэтому Эврипидъ, его ученикъ, назвалъ солнце въ драмѣ „Фаэтонъ" „золотою глыбой". Далѣе сообщаютъ, что Анаксагоръ отправился въ путешествіе въ Олимпію при ясной погодѣ и надѣлъ дождевикъ изъ кожи, какъ будто скоро долженъ былъ пойти дождь; и дѣйствительно пошелъ дождь.

Однажды его спросили, будетъ когда-либо море надъ Лампсакскими горами [1]). Онъ отвѣтилъ „да, но въ томъ случаѣ, если ранѣе того не прекратится время".

Разъ спросили его, для чего онъ родился. „Для созерцанія солнца, луны и неба", былъ его отвѣтъ.

Однажды сказали ему: „Итакъ, ты долженъ лишиться общенія съ аѳинянами".—„Нѣтъ, это они лишаются моего общенія, а не я ихъ".

Когда Анаксагоръ увидѣлъ гробницу Мавзолея, то сказалъ: „Это символъ богатствъ, превращенныхъ въ камень".

Одинъ человѣкъ сказалъ, что тяжело умирать въ чужой землѣ. Онъ отвѣтилъ: „во всякомъ мѣстѣ одна и та же дорога въ Адъ".

Кажется, Анаксагоръ первый, какъ передаетъ Фаворинъ во „Всеобщей исторіи", утверждалъ, что поэзія Гомера имѣетъ главнымъ предметомъ добродѣтель и справедливость.

Анаксагоръ первый издалъ книгу [2]).

---

[1]) Напомнимъ, что у грековъ существовало преданіе объ исчезновеніи материковъ, напр., Атлантиды. Новыя изслѣдованія подтверждаютъ это. Такъ предполагаютъ, что пространство, которое занимаетъ Атлантическій океанъ, представляло нѣкогда материкъ.

[2]) Это извѣстіе вызываетъ сомнѣніе: до Анаксагора писали Парменидъ и другіе какъ стихами, такъ и прозою (Анаксименъ).

Силенъ въ первой книгѣ „Исторіи" говоритъ, что въ архонтство Лис.... упалъ съ неба большой камень. Анаксагоръ тогда сказалъ, что все небо состоитъ изъ камней, а эти камни, вслѣдствіе быстраго вращенія небеснаго свода, падаютъ внизъ.

Въ дальнѣйшихъ строкахъ Діогенъ Лаертскій даётъ свѣдѣнія о процессѣ Анаксагора. Послѣдній нѣкоторые изслѣдователи ставили въ связь съ процессомъ Сократа. Однако, то, что̀ сообщаетъ Діогенъ, темно; и поэтому нельзя опредѣленно сказать, каковы были причины обвиненія Анаксагора, религіозныя или политическія.

Вотъ что сообщаетъ Діогенъ Лаэртскій: „Объ его обвиненіи говорятъ различно.

Сокіонъ въ „Преемствѣ философовъ" передаётъ что Клеонъ обвинялъ Анаксагора въ безбожіи, такъ какъ онъ (Анаксагоръ) объявилъ де солнце раскаленнымъ кам, немъ; Анаксагора защищалъ его ученикъ Периклъ; философа оштрафовали на 5 талантовъ и изгнали.

Но Сатиръ въ „Жизнеописаніяхъ" говоритъ, что представителемъ обвиненія былъ Θукидидъ [1]), политическій противникъ Перикла; онъ обвинялъ Анаксагора не только въ безбожіи, но и въ „медисмѣ" (приверженности къ персамъ); философа заочно приговорили къ смерти.

Двѣ вѣсти, о собственномъ осужденіи и о смерти дѣтей, пришли къ нему одновременно. О приговорѣ Анаксагоръ сказалъ: „И ихъ (судей аѳинскихъ) природа приговорила къ смерти". Относительно же дѣтей сказалъ: „Знаю что я родилъ дѣтей смертными".

Нѣкоторые, впрочемъ, приписываютъ это Солону, иные же Ксенофонту.

Анаксагоръ будто бы собственноручно похоронилъ дѣтей, о чемъ сообщаетъ Деметрій Фалерскій въ книгѣ: „О старости".

Гермиппъ въ „Жизнеописаніяхъ" сообщаетъ, что Анаксагоръ былъ присужденъ къ смерти и посаженъ въ острогъ. Когда это произошло, Периклъ выступилъ предъ народомъ и спросилъ, указывая на себя, въ чемъ его самого могли бы обвинить. Ему отвѣтили: „Ни въ чемъ!"—„А вотъ я говорю", продолжалъ Периклъ, „я—ученикъ Анаксагора. Не погубите

---

[1]) Однофамилецъ извѣстнаго историка.

его, увлекшись ложными жалобами, но, повѣривъ мнѣ, отпустите". Анаксагора отпустили, но онъ будто не могъ снести позора и лишилъ себя жизни".

Гіеронимъ же во второй книгѣ своихъ „Смѣшанныхъ воспоминаній" разсказываетъ, будто Периклъ вывелъ Анаксагора предъ судьями, истощеннаго болѣзнью и худого,—и судьи отпустили его изъ жалости, а не потому де, что нашли его невиновнымъ.

Вотъ сколько версій относительно процесса Анаксагора.

Кажется, добавляетъ далѣе Діогенъ, онъ былъ во враждѣ съ Демокритомъ, такъ какъ тотъ не удостоилъ его знакомствомъ.

Наконецъ, Анаксагоръ удалился въ Лампсакъ, гдѣ и умеръ. Въ Лампсакѣ представители города спрашивали его, какихъ милостей онъ себѣ хочетъ. Онъ, какъ передаютъ, сказалъ, чтобы ежегодно въ томъ мѣсяцѣ, когда онъ умретъ, отпускали дѣтей для игръ и забавъ. Этотъ обычай сохранился и до сихъ поръ (говоритъ Діогенъ).

Когда умеръ Анаксагоръ, граждане Лампсака съ почестью похоронили его и поставили памятникъ съ надписью „Здѣсь лежитъ великій Анаксагоръ, которому одному только была открыта страна звѣзднаго неба" [1]).

Есть и нашъ стишокъ объ Анаксагорѣ, говоритъ Діогенъ: „Онъ нѣкогда сказалъ: солнце—раскаленный камень, а вотъ въ качествѣ награды его ожидала позорная смерть. Но вотъ Периклъ освободилъ его, — тогда онъ самъ умеръ, и мудрость превзошла слабость".

Были еще три Анаксагора: 1) ораторъ, ученикъ Исократа, 2) ваятель статуэтокъ, котораго вспомнилъ Антигонъ, 3) грамматикъ, ученикъ Зенодота.

Архелай.

Архелай аѳинянинъ или милетянинъ былъ сынъ Аполлодора, а по другимъ свѣдѣніямъ, Мюдона. Онъ, по словамъ Діогена, былъ ученикомъ Анаксагора и учителемъ Сократа. Онъ первый принесъ съ собою въ Аѳины изъ Іоніи натурфилософію и былъ названъ „фюсикомъ", такъ какъ съ нимъ

---

[1]) Или: который всего ближе проникалъ въ небесныя тайны.

вмѣстѣ эта натурфилософія и прекратилась. Сократъ же ввелъ философію этическую. Но, кажется, Архелай касался и этической области; по крайней мѣрѣ, онъ велъ философскія разсужденія о законахъ, о честности и о справедливости. А Сократъ то, что̀ заимствовалъ отъ него, пріумножилъ, и потому онъ считается основателемъ этической школы. Архелай училъ, что существуютъ двѣ причины происхожденія (бытія): теплота и влага, и что живыя существа произошли изъ ила. Училъ онъ также, что справедливое и позорное бываетъ не отъ природы, а по закону. Ученіе его выражалось такъ.

В л а г а, приводимая жаромъ въ расплавленное состояніе, производитъ *землю,* если она сгущается въ огневидную массу, и производитъ *воздухъ*, если она остаётся въ текучемъ состояніи. Вслѣдствіе этого земля поддерживается воздухомъ, а воздухъ въ свою очередь—круговращеніемъ огня. Онъ также училъ, что живыя существа происходятъ изъ земной теплоты, которая производитъ илъ на подобіе молока, въ качествѣ питательнаго средства. Такимъ же образомъ она производитъ и людей.

Затѣмъ онъ первый училъ, что звукъ происходитъ отъ колебанія (удара) воздуха, и что море, просачиваясь сквозь землю, стоитъ во впадинахъ. Онъ величайшимъ свѣтиломъ полагалъ солнце и вселенную считалъ безконечною.

Было еще три Архелая. Одинъ—описатель тѣхъ странъ, которыя были пройдены Александромъ Великимъ; другой изложилъ въ стихахъ различныя явленія природы; третій—ораторъ, авторъ книги о краснорѣчіи.

Обращаемся теперь къ ученикамъ Сократа.

Э с х и н ъ.

Эсхинъ былъ сынъ колбасника Харинія, или, какъ говорили другіе, Лисанія. Съ раннихъ лѣтъ онъ былъ трудолюбивъ. Съ Сократомъ онъ никогда не разлучался. Поэтому Сократъ обыкновенно говорилъ: „Одинъ только сынъ колбасника меня умѣетъ цѣнить".

Идоменевсъ передаетъ, что это Эсхинъ убѣждалъ Сократа бѣжать изъ темницы, а не Критонъ. Платонъ же приписалъ это Критону потому, что Эсхинъ болѣе былъ друженъ съ Аристиппомъ, а не съ Платономъ.

Эсхина обвиняли (особенно Менедемъ Эретрійскій) въ томъ, что, якобы получивъ отъ Ксантиппы діалоги Сократа, онъ выдалъ ихъ за свои. Среди этихъ діалоговъ нѣкоторые безъ заглавія и написаны вялымъ стилемъ, нисколько не напоминающимъ сильный стиль Сократа. Пизистратъ Эфескій говоритъ, что они не могли принадлежать Эсхину. По мнѣнію Персея, большая часть изъ этихъ семи діалоговъ написаны Пазифонтомъ Эретрикомъ и имъ внесены въ сочиненія Эсхина.

Діалогами Эсхина, въ которыхъ Сократова манера вполнѣ выражена, являются слѣдующіе семь: Мильтіадъ, Калліасъ, Аксіохъ, Аспазія, Алкивіадъ, Телавгесъ и Ринонъ.

Говорятъ, что, будучи бѣденъ, Эсхинъ пришелъ въ Сикелію къ тиранну Діонисію; послѣднему его рекомендовалъ Аристиппъ. Когда Эсхинъ преподнесъ тиранну нѣкоторые изъ своихъ діалоговъ, то получилъ подарки.

Возвратясь въ Аѳины, онъ не осмѣлился уже выступить въ качествѣ учителя философіи, такъ какъ тамъ пользовались славою Платонъ и Аристиппъ.

Діалоги Эсхина заподозрѣвалъ даже Аристиппъ. Передаютъ, что, когда читалъ Эсхинъ въ Мегарахъ, Аристиппъ сказалъ ему: „Откуда это у тебя, воръ"?

Поликритъ въ своихъ замѣткахъ о Діонисіи говоритъ, что Эсхинъ жилъ съ тираннома до паденія тираніи и возвращенія Діона въ Сиракузы. Сохранилось письмо Эсхина къ Діонисію.

Эсхинъ, кромѣ того, былъ человѣкомъ, испытаннымъ въ искусствѣ краснорѣчія; это мы видимъ изъ апологіи отца Феака, полководца, и Діона. Въ своихъ выдающихся произведеніяхъ Эсхинъ подражалъ особенно Горгію Леонтинскому. Ученикомъ Эсхина, какъ передаютъ, былъ Аристотель, по прозванію Миѳъ.

Панетій изъ всѣхъ „сократическихъ діалоговъ" истинными, т. е., болѣе или менѣе точно воспроизводящими мысли Сократа, считаетъ слѣдующіе: діалоги Платона, Ксенофонта, Антисѳена, Эсхина; діалоги же Файдона и Эвклида онъ оспариваетъ, а прочіе отбрасываетъ, какъ подложные.

Кромѣ Эсхина, о которомъ мы только что говорили, было восемь лицъ съ тѣмъ же именемъ.

Аристиппъ.

Теперь мы перейдемъ къ Аристиппу. Діогенъ Лаэртскій

сообщаетъ о немъ много остроумныхъ анекдотовъ; о жизни же его, а также о философіи почти ничего не говоритъ. Аристиппъ былъ родомъ изъ Кирены и, по извѣстіямъ Эсхина, пришелъ въ Аѳины, привлеченный ученіемъ Сократа. Слѣдовательно, Сократъ въ то время сдѣлался достопримѣчательностью Аѳинъ, такъ какъ самые разнообразные люди шли къ нему учиться. Какъ сообщаетъ Фаній перипатетикъ, Аристиппъ, требуя самъ денегъ за свои лекціи, предложилъ плату и Сократу и послалъ ему 20 минъ. Тогда Сократъ сообщилъ ему, что его геній (божество) не позволяетъ взять денегъ. Ксенофонтъ, будучи во враждебныхъ отношеніяхъ съ Аристиппомъ, ведетъ подъ именемъ Сократа рѣчь о сладострастіи, направленную противъ Аристиппа. Точно также Ѳеодоръ въ „Философскихъ сектахъ" и Платонъ въ своей книгѣ „о душѣ" (одинъ изъ діалоговъ Платона „Файдонъ" имѣлъ подзаголовокъ „о душѣ„) очень рѣзко выражаются объ Аристиппѣ. Аристиппъ, по характеристикѣ Діогена, былъ человѣкомъ, который умѣлъ всегда найтись. Во всякомъ мѣстѣ, въ каждомъ положеніи онъ занималъ и игралъ самую выгодную роль. Поэтому онъ пользовался расположеніемъ тирана Діонисія. Діогенъ киникъ за это прозвалъ его царскою собачкой. Тимонъ пробралъ его слѣдующими стихами: „Натура софиста у Аристиппа осязаніемъ различаетъ ложь отъ истины". Однажды онъ купилъ себѣ куропатку за 50 драхмъ. Нѣкто за это разсердился на него. Тогда Аристиппъ сказалъ: „А ты далъ бы одинъ оболъ?"—„Нѣтъ", сказалъ тотъ. — „Ну", продолжалъ Аристиппъ, „а для меня 50 драхмъ то же, что̀ одинъ оболъ". Онъ, значитъ, не искалъ денегъ ради денегъ: ему онѣ нужны, какъ средство хорошо пожить. Однажды Діонисій тиранъ предоставилъ ему трехъ дѣвушекъ, чтобы онъ выбралъ одну изъ нихъ для собственнаго удовольствія. Онъ взялъ всѣхъ троихъ, довелъ до сѣней и отпустилъ. Такъ легко было для Аристиппа оставить какую-либо вещь, которую онъ выбралъ. Поэтому Стратонъ, или, какъ передаютъ другіе, Платонъ сказалъ ему разъ: „Ты только одинъ (можешь) умѣешь сегодня носить пурпуръ, а завтра лохмотья". Аристиппъ нисколько не обидѣлся, когда Діонисій плюнулъ на него. Когда кто-то порицалъ его за это, то онъ сказалъ: „Когда рыбакъ ловитъ въ морѣ рыбу, онъ не сердится, что море обдастъ его волною. Почему же я долженъ скандалить, ловя кита, когда попало на меня немножко его „слюны". Разъ Аристиппъ пришелъ

къ Діогену, когда онъ промывалъ овощи. Діогенъ сказалъ: „Коли бы ты, Аристиппъ, научился питаться овощами, то не приходилось бы тебѣ раболѣпствовать передъ тиранномъ".— „А коли бы ты", отвѣчалъ Аристиппъ, „научился водиться съ людьми, такъ не пришлось бы промывать овощи". Спросили однажды Аристиппа: „Какую пользу приноситъ тебѣ философія?"—„Ту пользу", отвѣчалъ онъ, „что я умѣю смѣло говорить со всѣми". Когда его порицали за роскошную жизнь, онъ говорилъ: „Если бы это было точно зломъ, тогда божескіе праздники не чествовались бы роскошно". Однажды Діонисій задалъ ему злой вопросъ: „Скажи, отчего философы трутся у пороговъ богачей, а послѣдніе не стучатся у дверей философовъ". — „Потому", отвѣтилъ онъ, „что философы знаютъ, въ чемъ они нуждаются (въ деньгахъ), а богачи не знаютъ, не сознаютъ того, что имъ нужна философія". Однажды Платонъ упрекалъ его за роскошную жизнь; тогда Аристиппъ задалъ ему вопросъ: „Діонисій—хорошій человѣкъ?" Онъ отвѣтилъ: „Да, хорошій!" — „А онъ живетъ роскошнѣе меня; слѣдовательно, можно въ одно и то же время жить роскошно и оставаться благороднымъ". Спросили его: „Какъ отличать образованныхъ людей отъ необразованныхъ?" – „Такъ же, какъ различаютъ лошадей объѣзженныхъ и лошадей дикихъ". Однажды Аристиппъ вошелъ въ домъ къ проституткѣ. Одинъ юноша, пришедшій вмѣстѣ съ Аристиппомъ, покраснѣлъ. Тогда Аристиппъ сказалъ: „Входить сюда (къ проституткѣ) не стыдно; стыдно, если человѣкъ не въ силахъ выйти отсюда". Предложилъ ему нѣкто загадку и настаивалъ, чтобы онъ разрѣшилъ ее. „Глупый человѣкъ", сказалъ Аристиппъ, „зачѣмъ же тебѣ имѣть загадку разрѣшенную, если, и неразгаданная, она доставляетъ хлопоты". Спросили его разъ, чѣмъ лучше быть, нищимъ или дуракомъ. Онъ отвѣтилъ: „Лучше быть нищимъ, нежели дуракомъ, такъ какъ у нищаго не хватаетъ денегъ, а у дурака разума". Когда Аристиппъ однажды сталъ убѣгать отъ ругавшаго его человѣка, послѣдній спросилъ его: „что же ты убѣгаешь?" Аристиппъ отвѣтилъ: „Ты имѣешь власть ругать, я имѣю власть тебя не слушать". Спросили его: „Почему видятъ философовъ передъ дверьми богачей?" „По той же причинѣ", отвѣтилъ Аристиппъ, „вслѣдствіе которой видятъ врачей у дверей больныхъ". Разъ Аристиппъ ѣхалъ въ Коринѳъ, на кораблѣ. Поднялась сильная буря, и онъ сталъ трусить. Тогда кто-то сказалъ: „Мы, неученые,

не боимся, а вы, ученые, боитесь". - „Правда!" сказалъ Аристиппъ, „это потому, что намъ приходится терять неравныя цѣнности". Кто-то хвалился передъ нимъ своими обширными знаніями. На это онъ отвѣтилъ „тѣ, кто обжираются и дѣлаютъ много движеній, ничуть не здоровѣе тѣхъ, кто остаётся доволенъ полезнымъ, и не тѣ будутъ учеными, кто много читаетъ, а тѣ, которые питаются полезнымъ и примѣнимымъ". Далѣе мы встрѣчаемъ остроумный отвѣтъ оратору на судѣ, которому онъ поручилъ свой процессъ. Когда тотъ спросилъ: „Что за польза была тебѣ отъ твоего Сократа?"—„Вотъ какая польза", отвѣтилъ онъ: „та рѣчь, которую ты держалъ за меня, истинна". Свою дочь Арету Аристиппъ воспиталъ въ хорошихъ принципахъ и пріучилъ ее избѣгать всякихъ крайностей. Нѣкто, отдавая сына въ ученіе, спросилъ: „Вотъ, если ты его обучишь, какая же будетъ отъ того польза?"— „Та", отвѣчалъ онъ, „что въ театрѣ сынъ твой не будетъ сидѣть камнемъ на камнѣ" (театральныя лавки были каменныя). Нѣкто, передавая ему сына, спросилъ о цѣнѣ. Аристиппъ потребовалъ 500 драхмъ. —„Я куплю на эти деньги раба!" — „Купи, и у тебя ихъ будетъ два", отвѣтилъ Аристиппъ.

Разъ Діонисій приказалъ ему поскорѣе прочесть лекцію. Аристиппъ сказалъ: „Ты хочешь отъ меня научиться, какъ тебѣ говорить, а самъ учишь, когда я долженъ говорить: смѣшно!"

Діонисій обидѣлся на Аристиппа и посадилъ его за столомъ на низкое мѣсто.—„Я вижу", сказалъ Аристиппъ,—„что это мѣсто ты хочешь сдѣлать почётнымъ".

Кто-то хвалился ему искусствомъ плавать. Аристиппъ сказалъ: „Развѣ тебѣ не стыдно гордиться тѣмъ, что составляетъ искусство дельфиновъ". Нѣкто хвалился, что де можетъ много выпить и не захвораетъ. „Ну, такъ и осла можно заставить пить", отвѣчалъ Аристиппъ. Его упрекали, что онъ, будучи ученикомъ Сократа, бралъ деньги. „Да", сказалъ онъ, „деньги я принимаю; но Сократу присылали хлѣбъ, вино, изъ нихъ онъ самъ частицу удѣлялъ себѣ, а остальное отсылалъ обратно; у него было много благодѣтелей изъ среды знатныхъ аѳинянъ, у меня же есть одинъ рабъ Евтихидъ". Сотіонъ говорилъ, что у Аристиппа была любовницею Лаиса. Нѣкоторые его за это порицали. Онъ же отвѣчалъ: „Я обладаю Лаисою, но мною она не обладаетъ. Пріятно властвовать надъ сластолюбіемъ и не давать ему собою обла-

дѣвать; но не въ томъ заключается добродѣтель, чтобы ото всѣхъ удовольствій отказаться".

Такимъ образомъ мнѣніе Аристиппа сводится къ тому, что тѣлесныя удовольствія допустимы; но не слѣдуетъ всецѣло отдаваться сластолюбію. Однажды Симосъ, ключникъ Діонисія, негодяй, родомъ фригіецъ, показывалъ Аристиппу свой великолѣпный домъ, въ которомъ полы были съ мозаичными картинами. Аристиппъ въ это время откашлялся и харкнулъ хозяину въ лицо. Тотъ разсердился. Тогда Аристиппъ сказалъ: „Здѣсь такъ все хорошо, что нѣтъ болѣе подходящаго мѣста, куда бы можно было плюнуть".

Кто-то спросилъ Аристиппа: „какъ умеръ Сократъ?" — на это онъ отвѣчалъ: „Онъ умеръ такъ, какъ и я бы хотѣлъ умереть". Далѣе слѣдуетъ разсказъ, характеризующій отношеніе Аристиппа къ деньгамъ, которыми онъ не дорожилъ. Однажды, во время перехода онъ отдалъ деньги нести рабу. Когда тотъ сильно мучился подъ тяжестью денегъ, Аристиппъ сказалъ: „Высыпь лишнія деньги и неси, сколько можешь". Разъ онъ сѣлъ на корабль, который оказался разбойничьимъ. Но объ этомъ Аристиппъ узналъ только по дорогѣ. Поднялась буря. Аристиппъ вынулъ деньги и началъ считать; потомъ какъ будто нечаянно уронилъ ихъ въ море и при этомъ сказалъ: „Пусть деньги погибнутъ изъ-за Аристиппа, нежели онъ самъ погибнетъ изъ-за денегъ". Разбойники оставили его невредимымъ.

Діонисій однажды спросилъ его: „Зачѣмъ ты пришелъ ко мнѣ?" — „Затѣмъ", сказалъ онъ: „чтобы дать тебѣ то, что у меня есть, и принять то, чего я не имѣю", т.-е., дать ему философію, а взять себѣ деньги. Другіе такъ передаютъ его отвѣтъ: „Когда я нуждался въ знаніи, я шелъ къ Сократу; теперь нуждаюсь въ деньгахъ и пришелъ къ тебѣ".

Однажды Діонисій приказалъ, чтобы каждый изъ гостей надѣлъ пурпурную одежду и плясалъ. Платонъ отказался плясать, сказавъ: „Не могу надѣть женственнаго платья".

Аристиппъ безъ разсужденія переодѣлся и сталъ плясать. Когда начали смѣяться надъ нимъ, онъ сказалъ: „Мудрая душа не испортится въ празднествахъ въ честь Бахуса". Разъ онъ просилъ Діонисія за своего друга и палъ ему въ ноги. Когда его начали за то бранить, онъ отвѣчалъ: „Не я виноватъ въ этомъ, а Діонисій, такъ какъ у него уши въ ногахъ".

Спросили Аристиппа: „Чему нужно учить юношей?" — „Тому, что̀ имъ понадобится въ слѣдующемъ возрастѣ".

Когда его упрекали, что отъ Сократа онъ пошелъ къ Діонисію, онъ отвѣтилъ: „Когда мнѣ нужно было учиться, я шелъ къ Сократу, къ Діонисію же пошелъ, когда настала нужда въ шуткахъ".

Однажды его любовница сказала: „я отъ тебя беременна".—„Этого ты утверждать не можешь, ибо, когда ты идешь по травѣ, то не знаешь, какой шипъ тебя укололъ". Обвиняли его въ томъ, что онъ собственное дитя бросилъ. На это онъ отвѣчалъ: „Изъ нашего тѣла произрастаетъ грязь и вши, и ихъ мы выбрасываемъ подальше, какъ ненужныя вещи". Эти отвѣты Аристиппа приходится зарегистрировать, какъ великія мерзости.

Когда однажды Аристиппъ получилъ отъ Діонисія деньги, а Платонъ книгу, то нѣкоторые упрекали его за это. Онъ же сказалъ: „Дѣло въ томъ, что мнѣ нужны деньги, а Платону книги". Кто-то спросилъ Аристиппа, за что Діонисій его такъ любитъ. „За то, что̀ другіе порицаютъ", отвѣтилъ онъ. Разъ онъ попросилъ у Діонисія денегъ. Тотъ сказалъ: „Ты говоришь, что мудрецъ не нуждается ни въ чемъ". — „Дай деньги!", сказалъ онъ. Діонисій далъ.—„Ну ты теперь и видишь, что мудрецъ не имѣетъ нужды". Діонисій сказалъ: „Кто пришелъ жить къ тирану, тотъ его рабъ, хотя бы онъ и пришелъ по своей доброй волѣ".—„Нѣтъ, не рабъ, если онъ свободно пришелъ". Разъ Аристиппъ поссорился съ Эсхиномъ. Черезъ нѣсколько дней Аристиппъ говоритъ ему: „Не помириться ли намъ, не перестать ли намъ быть дураками? Или ты хочешь дождаться того времени, когда какой-либо болтунъ охотно помиритъ насъ за чаркой?". Эсхинъ согласился. Тогда сказалъ Аристиппъ: „Хотя я старше тебя, но я первый пришелъ; помни это!" Эсхинъ сказалъ: „Ты лучше меня, я виновникъ ссоры, ты же—дружбы".

Было четыре Аристиппа: первый, о которомъ шла рѣчь, второй написалъ исторію Аркадіи, третій—μητροδίδακτος, ученикъ своей матери, внукъ перваго по дочери, четвертый—философъ Новой Академіи. Изъ книгъ Киренскаго философа извѣстны слѣдующія: три книги по исторіи Ливіи, поднесенныя Діонисію, потомъ книга, содержавшая 25 діалоговъ; изъ послѣднихъ одни написаны аттическимъ нарѣчіемъ, а другіе дорическимъ. Вотъ ихъ заглавія: Артабазъ, Потерпѣвшимъ крушеніе, Къ изгнанникамъ, Къ нищему, Къ Лаи-

сѣ, Къ Пору, Къ Лаисѣ о зеркалѣ, Къ виночерпію, Филомелосъ, Къ домашней прислугѣ, Къ порицателямъ его за то, что онъ имѣетъ женщинъ и старое вино, за то, что онъ любитъ хорошій столъ; письмо къ дочери Аретѣ, Къ Олимпійскому борцу, Хрія о картинѣ, Хрія о дочери Діонисія, Къ одному человѣку, который считаетъ себя презираемымъ, Къ одному спрошенному совѣтчику и др.

Нѣкоторые приписываютъ Аристиппу еще шесть книгъ сочиненій, другіе утверждаютъ, что онъ совершенно ничего не писалъ. Возможно, что послѣднее мнѣніе болѣе справедливо.

По мнѣнію Сотіона и Панетія, Аристиппъ написалъ діалоги: О воспитаніи, О добродѣтели, Протрептиконъ, Артабазъ, Потерпѣвшіе крушеніе, Изгнанники, пять книгъ разныхъ сочиненій, три книги къ Сократу и др.

Разсмотримъ теперь біографіи еще другихъ учениковъ Сократа: Файдона, Евклида и Антисѳена.

Файдонъ.

Файдонъ былъ любимѣйшимъ ученикомъ Сократа: его именемъ у Платона названъ тотъ діалогъ, гдѣ Сократъ ведетъ бесѣду о безсмертіи. Файдонъ отличался удивительною красотой, а мы знаемъ, что Сократъ былъ слишкомъ неравнодушенъ къ красотѣ. Среди его учениковъ Алкивіадъ, Ксенофонтъ и Файдонъ слыли за красавцевъ. Файдонъ происходилъ изъ города Элеи, принадлежалъ къ хорошему роду. Онъ потерялъ свою свободу вмѣстѣ со своимъ отечествомъ. Когда разграбили отечество, его увели въ плѣнъ. Такъ какъ онъ былъ красивымъ мальчикомъ, то онъ въ Аѳинахъ попалъ въ мальчишескій публичный домъ и былъ проституткою. Вскорѣ ему удалось познакомиться съ Сократомъ, по просьбѣ котораго онъ былъ выкупленъ и съ той поры онъ посвятилъ себя изученію философіи.

Файдонъ писалъ діалоги. Правда, не всѣ они считались подлинными. Подлинны по утвержденію Діогена, слѣдующіе: „Зопиръ" и „Симонъ". Относительно діалоговъ „Никіасъ" и „Медіосъ" сомнѣваются. Послѣдній приписываютъ Эсхину, а другіе — Поліэну. Относительно „Антимаха" спорятъ. Такимъ образомъ, Файдонъ сдѣлался писателемъ и любимѣйшимъ ученикомъ Сократа.

Антисѳенъ.

Теперь обратимся къ Антисѳену, одному изъ замѣчательныхъ людей, группировавшихся около Сократа. Антисоенъ былъ сыномъ другого Антисѳена (сынъ и отецъ имѣли одно и то же имя), родился въ Аѳинахъ, но не былъ чисто аѳинскаго происхожденія: когда его упрекали за это, онъ говорилъ, что даже вѣдь матерь боговъ была родомъ изъ Фригіи. Разсказываютъ, что его мать была Ѳракіянка. Онъ участвовалъ въ битвѣ про Танагрѣ. Сократъ сказалъ, что отъ двухъ аѳинскихъ родителей не могло бы произойти такого храбреца. Антисѳенъ былъ человѣкомъ очень рѣзкимъ. Аѳинянамъ, которые хвалились тѣмъ, что—они природные жители, онъ говорилъ съ презрѣніемъ: „Вы ничуть не благороднѣе улитокъ и стрекозъ". Первымъ учителемъ его былъ Горгій. Отсюда проистекаетъ его ораторское искусство, особенно сказавшееся въ его діалогѣ относительно истины и въ „увѣщательныхъ" рѣчахъ. Что онъ не былъ чуждъ софистическаго искусства, показываетъ слѣдующее обстоятельство. Однажды ему, когда онъ возвращался съ Истмійскихъ игръ, дали задачу – аѳинянъ, лакедемонянъ и ѳивянъ въ одно и то же время и порицать, и хвалить, т.-е. говорить pro и contra, словомъ, три могущественныхъ націи онъ хотѣлъ сразу и похвалить, и, обругать, но отъ этого намѣренія отказался, такъ какъ увидѣлъ, что большинство присутствующихъ были какъ разъ изъ этихъ трехъ городовъ.

Жилъ Антисоенъ въ Пиреѣ и каждый день долженъ былъ дѣлать сорокъ стадій, чтобы увидѣть и послушать Сократа. Отъ Сократа онъ научился терпѣнію и, слѣдуя его примѣру, хотѣлъ освободиться отъ страстей. Онъ основалъ киническую школу и былъ первымъ ея начальникомъ.

Онъ говорилъ: „Трудъ есть благо", и подтверждалъ его примѣромъ Геракла и Кира. Одинъ примѣръ, такимъ образомъ, взятъ изъ греческой, а другой изъ персидской исторіи. Антисѳенъ первый опредѣлилъ рѣчь, говоря, что рѣчь есть то, что̀ объясняетъ намъ, что̀ было и что̀ есть.

Діогенъ передаетъ такое извѣстіе о мнѣніяхъ Антисѳена. Нужно де приближаться къ такимъ женщинамъ, которыя умѣютъ быть пріятными. Одинъ молодой человѣкъ изъ Понта желалъ обучаться и спросилъ, что̀ нужно ему. Онъ далъ отвѣтъ двусмысленный – именно: „Тебѣ нужна новая книга и

новая дощечка и разумъ". Кто-то его спросилъ: „На какой женщинѣ жениться?" — „Если ты женишься на красавицѣ", отвѣтилъ онъ, „то придется дѣлить ее съ кѣмъ-либо третьимъ; если же ты возьмешь ее некрасивую, то она тебѣ будетъ обузою и наказаніемъ".—Разъ, услыхавъ, что Платонъ ругаетъ его, Антисѳенъ сказалъ: „Это удовольствіе принадлежитъ только царямъ— дѣйствовать благородно и за эти свои дѣйствія подвергаться порицанію". Кто-то упрекалъ его въ томъ, что онъ рожденъ не отъ двухъ свободныхъ родителей. Очевидно, здѣсь намекъ на то, что онъ не былъ полноправнымъ аѳинскимъ гражданиномъ. Антисѳенъ отвѣчалъ: „Не два атлета произвели на свѣтъ борца, а все-таки я самъ атлетъ". Слѣдовательно, хотя его и не два гражданина родили, а получился аѳинянинъ. Его спрашивали, отчего у него такъ мало учениковъ. „Оттого, что выгоняю ихъ серебряною розгою". „Почему ты такъ строго обращаешься съ учениками", спросили его. „Не строже, чѣмъ врачи обращаются съ больными", отвѣтилъ онъ

„Лучше", говоритъ Антисѳенъ, „попасть къ во́ронамъ, чѣмъ къ льстецамъ, такъ какъ во́роны ѣдятъ трупы, а льстецы съѣдаютъ живьемъ".

Одинъ другъ Антисѳена ему жаловался, что написалъ было сочиненіе да и потерялъ его.—„Ты бы написалъ лучше его въ своей душѣ, а не на дощечкѣ", былъ отвѣтъ. Антисѳенъ говорилъ: „Ржавчина поѣдаетъ желѣзо; такъ и завистливые поѣдаютъ собственную душу".—„Тѣ, кто желаетъ жить и остаться безсмертнымъ, должны жить благочестиво". „Государство погибаетъ, когда мы не въ силахъ отличать злыхъ отъ добрыхъ".

Когда онъ услыхалъ, что его хвалятъ недостойные люди, то сказалъ: „Я начинаю бояться, не совершилъ ли я какой подлости". — „Самая сильная изо всѣхъ стѣнъ — это та, которая соединяетъ людей одинакового образа мыслей".— Его порицали за общеніе съ дурными людьми. Онъ говорилъ: „Вѣдь и врачи ходятъ къ больнымъ и остаются свободными отъ лихорадки". Разъ спросили его: „какая польза отъ философіи?" — Антисѳенъ отвѣтилъ: „Польза та, что я могу самъ съ собою имѣть общеніе". Слѣдовательно, философія, по мнѣнію Антисѳена, примиряетъ человѣка съ самимъ собою.

Разъ его спросили: „Что полезнѣе всего выучить?" Онъ отвѣтилъ: „Не разучиться тому, что̀ выучилъ". Антисоенъ совѣ

товалъ тѣмъ, кто подверженъ злой молвѣ и пересудамъ, переносить это терпѣливѣе, чѣмъ если бы ихъ побивали камнями. Однажды, находясь въ нѣкоей процессіи рядомъ съ Платономъ, онъ увидѣлъ поднимающагося на дыбы коня и замѣтилъ, обращаясь къ философу: „Изъ тебя бы вышла отличная лошадь". Когда Платонъ заболѣлъ, Антисѳенъ навѣстилъ его. Увидя тазъ, въ который Платонъ отхаркивался, онъ замѣтилъ: „Вижу я желчь, но не вижу я твоей гордости" (которую, какъ и мокроту, нужно бы выбросить). Слѣдовательно, Антисѳенъ здѣсь укоряетъ Платона за его гордость.

Иронизируя надъ аѳинянами, онъ далъ совѣтъ, чтобы они въ народномъ собраніи постановили—считатьословъ лошадьми. Ему замѣтили, что это безразсудно. „Но вы", говорилъ онъ, „назначаете полководцами тѣхъ, которые ничего не изучали; и они дѣлаются полководцами, только благодаря вашему постановленію".

Однажды сказали Антисѳену, что многіе хвалятъ его. Онъ спросилъ: „Что же я натворилъ дурного?" Когда онъ сталъ носить разорванный плащъ, то Сократъ сказалъ: „Сквозь дыры вижу твое славолюбіе".

Какъ разсказываетъ Фаній, нѣкто спросилъ Антисѳена, что̀ дѣлать, чтобы ему стать благороднымъ человѣкомъ. Онъ далъ такой отвѣтъ: „Учись избѣгать зла, которое въ тебѣ есть". Кто-то произнесъ похвальную рѣчь сладострастію. Антисѳенъ сказалъ ему: „Пусть полюбятъ сладострастіе сыновья нашихъ враговъ"!

Относительно послѣднихъ строкъ замѣтимъ слѣдующее. Въ софистическихъ и риторическихъ школахъ ради упражненія составляли похвальныя рѣчи на всевозможные случаи. Конечно, особенный успѣхъ могли имѣть рѣчи, составленныя на необычайныя темы. Поэтому еще довольно рано софисты начали восхвалять пороки и неудобства. Напримѣръ, великіе риторы писали похвалу лысинѣ, людоѣдству и т. п. Къ одному молодому человѣку, который восхвалялъ тѣлесную красоту, Антисѳенъ обратился: „Скажи-ка мнѣ, если бы мѣдь могла заговорить, то чѣмъ бы она стала хвалиться?" Когда тотъ отвѣчалъ: „красотою", Антисѳенъ продолжалъ: „Неужели тебѣ не стыдно хвалиться тѣмъ, чѣмъ могли бы хвастаться и безжизненные предметы"? Т.-е. человѣкъ долженъ хвалиться чѣмъ-либо инымъ. Особенно онъ преслѣдовалъ насмѣшками Анита и Мелета, которые были виновниками смерти Сократа. Когда Антисѳенъ встрѣтилъ понтійскихъ

юношей, которые, будучи привлечены славою Сократа, пришли въ Аѳины, то онъ привелъ ихъ къ Аниту и сказалъ съ ироніею: „Что вамъ искать Сократа? Вотъ этотъ мудрѣе его". Тогда аѳиняне разсердились и выгнали Анита изъ города.

Однажды Антисѳенъ, увидавъ разряженную женщину, пошелъ въ ней на-домъ и потребовалъ у мужа этой жены, чтобы тотъ показалъ ему своего коня и оружіе, такъ какъ если это есть, то мужъ можетъ позволить женѣ наряжаться, если же этого нѣтъ, то долженъ снять съ бабы наряды. Смыслъ этого поступка Антисѳена такой: всякому гражданину прежде всего нужно имѣть то, что̀ необходимо для защиты отечества; а въ это время, какъ мы знаемъ, всякій выходилъ на защиту отечества со своимъ оружіемъ и долженъ былъ имѣть своихъ лошадей („конны и оружны"). Далѣе приводится у Діогена Лаэртскаго маленькій сводъ изреченій Антисѳена.

Добродѣтель можно изучать. Добродѣтели достаточно для счастливой жизни. Добродѣтель не нуждается ни въ чемъ. Добродѣтель заключается въ дѣяніяхъ: она не зависитъ отъ многихъ словъ и наукъ. Мудрецу не нужно общества другихъ, такъ какъ то, что̀ всѣ имѣютъ, принадлежитъ ему. Мудрецъ собразуется не столько съ существующими законами, сколько съ внутренно-ощущаемымъ закономъ добродѣтели. Мудрецу нужно жениться, чтобы производить дѣтей: онъ можетъ сойтись съ порядочною женщиной; онъ будетъ любить потому, что мудрецъ знаетъ, что̀ достойно любви.

Діоклесъ приписываетъ Антисѳену такія изреченія. Для мудреца нѣтъ ничего непреодолимаго. Добродѣтельные всегда бываютъ дружны другъ съ другомъ. Добродѣтель есть самое постоянное и продолжительное вооруженіе. Гораздо лучше, располагая немногими добрыми, бороться противу злыхъ, чѣмъ со многими злыми противу хорошихъ людей. Постоянно нужно наблюдать за своими врагами; они именно прежде всего замѣтятъ ошибку, которую мы сдѣлаемъ.

Далѣе любопытное изреченіе, которое показываетъ, что онъ смотрѣлъ много шире на вещи, нежели его современники.

Антисѳенъ увѣряетъ, что для мужчинъ и женщинъ добродѣтель одна. Онъ стоитъ не на Сократовой точкѣ зрѣнія, по которой есть спеціальная добродѣтель для мужчинъ

и особая для женщинъ. Въ этомъ случаѣ Антисѳенъ сближается съ Платономъ, который въ своемъ „Государствѣ" предлагаетъ одинаковыя правила о воспитаніи для обоихъ половъ.

Хорошее въ нравственномъ смыслѣ и въ эстетическомъ прекрасно, злое же всегда гадко, полагаетъ Антисѳенъ. Благоразуміе есть наиболѣе надежная стѣна, ибо она не можетъ обвалиться. Главная оборона въ твоемъ сердцѣ; эту твердыню никто никогда не можетъ взять штурмомъ, если она сама не захочетъ сдаться на капитуляцію. Антисѳенъ училъ въ гимназіи, которая носила названіе „Киносаргосъ". Нѣкоторые производятъ отсюда названія школы Кинической. Нѣкоторые же самого Антисѳена называютъ „просто собакой". Это наименованіе Антисѳена собакою, можетъ быть, и было перенесено на названіе Кинической секты.

По Діоклесу, Антисѳенъ первый сталъ носить вмѣсто двухъ одеждъ, хитона и гиматія, одну—сложенный вдвойнѣ плащъ. Кромѣ того, онъ ходилъ съ палкою и съ сумкой, что̀ подтверждаетъ и Неантъ. Сосикратъ напротивъ говоритъ въ третьей книгѣ „Преемствъ философовъ", что это Діодоръ ходилъ съ палкой и съ сумкою и отростилъ себѣ бороду.

Ѳеопомпъ изо всѣхъ учениковъ Сократа хвалитъ Антисѳена и говоритъ, что у него много ума, что онъ всякому человѣку могъ быть пріятенъ своимъ обхожденіемъ. Это видно изъ его сочиненій и изъ „Симпосіона" Ксенофонта.

Итакъ изъ учениковъ Сократа Антисѳенъ заслуживалъ особенной похвалы отъ современниковъ. Предъ нами теперь вопросъ: кто же изъ учениковъ Сократа усвоилъ духъ учителя и является наиболѣе близкимъ къ нему? Обыкновенно въ этомъ случаѣ указываютъ на Платона. Конечно, мы не должны оставлять безъ вниманія того, что онъ является самымъ величайшимъ философомъ изъ числа послѣдователей Сократа. Философія Платона тѣсно примыкаетъ къ ученію Сократа. Однако, всѣхъ чертъ характера Сократа, особенно демократичности послѣдняго Платонъ не отразилъ. Платонъ былъ аристократъ высшей марки, такъ что онъ и не со всякимъ могъ разговориться. У Платона не встрѣчается той доступности, какая замѣчается у простака-Сократа: въ этомъ отношеніи Антисѳенъ былъ несравненно ближе къ Сократу. Это объясняется его происхожденіемъ; мать его была неполноправная гражданка Аѳинъ, Ѳракіянка. Мета-

физика; Платона является, конечно, наслѣдіемъ Сократа, но въ практической жизни Платонъ не могъ повторять Сократа. Въ умѣньѣ поставить себя въ компаніи, въ обществѣ, Антисѳенъ былъ ближе къ Сократу.

Антисѳенъ по словамъ Діогена, привелъ къ апатіи Діогена,—Кратеса къ воздержности, Зенона къ терпѣнію. Ксенофонтъ говоритъ, что Антисѳенъ былъ чрезвычайно воздержнымъ и пріятнымъ. Ксенофонтъ вѣдь также былъ ученикомъ Сократа, но очень рано потерялъ возможность общенія съ Сократомъ, такъ какъ ему пришлось участвовать въ походахъ. Все, что онъ сообщаетъ о Сократѣ, передано ему. На этомъ основаніи нѣкоторые ученые отрицательно относятся къ показаніямъ Ксенофонта о Сократѣ, какъ освѣщающимъ послѣдняго сквозь призму Кинической школы. Но согласиться съ этимъ нельзя. Свѣдѣнія Ксенофонта драгоцѣнны въ томъ отношеніи, что представляютъ Сократа въ нѣсколько иномъ свѣтѣ, нежели его рисуетъ Платонъ.

Конечно, и Платонъ, и Ксенофонтъ не дали исчерпывающей характеристики Сократа; однако, каждый изъ нихъ сказалъ о немъ свое цѣнное слово. Вѣдь Ксенофонтъ передавалъ о немъ то, что сообщалъ ему, быть можетъ, Антисѳенъ. А послѣдній, мы знаемъ, былъ ближе къ Сократу, нежели Платонъ, по демократическому образу жизни, по происхожденію, что давало ему возможность лучше понять личность Сократа.

Антисѳенъ писалъ очень много. Его сочиненія составляютъ 10 томовъ. Въ первомъ томѣ: о выраженіи или фигурахъ (это ритор. сочиненіе), Аяксъ или рѣчь Аякса, Одиссей, Защита Ореста передъ присяжными (Орестъ убилъ свою мать Клитемнестру, мстя за убійство отца Агамемнона)—Изографъ—Изократъ или о недостаткѣ свидѣтелей.

Во второмъ томѣ: О природѣ звѣрей, О рожденіи дѣтей, О софистахъ, О справедливости и мужествѣ (первая, вторая и третья книги), О Ѳеогнидѣ (4 и 5 книги); третій томъ: О благѣ, О мужествѣ, О законѣ, О гражданскомъ порядкѣ, О законѣ, или что благо и справедливо, О свободѣ и рабствѣ, О вѣрности, Объ управителѣ или послушаніи, О побѣдѣ, О домашнемъ устройствѣ („Домострой" былъ любимою темой у Ксенофонта).

Четвертый: Киръ старшій, Гераклъ, или о физической силѣ. Пятый—Киръ, или о царствѣ, діалогъ Аспазія. Ше-

стой томъ: Объ истинѣ, Объ искусствѣ диспутировать. Сатонъ, или три книги о спорахъ, О діалектѣ. Седьмой: Объ воспитаніи, или о языкѣ пять книгъ, которыя для насъ совершенно утрачены, О вопросѣ и отвѣтѣ, О мнѣніи и знаніи (пять книгъ), О смерти и жизни, О подземномъ мірѣ, О природѣ (двѣ книги). Восьмой—О музыкѣ и толкователяхъ, О нечестіи. Девятый: Объ Одиссеѣ, О розгѣ, Аѳина или о Телемахѣ, объ Еленѣ и Пенелопѣ (здѣсь рисуются два тица женъ: Елена, которая увлеклась пастухомъ и бѣжала, это—невѣрная жена, и Пенелопа — образецъ серьезнѣйшей супруги, которая не хотѣла выйти замужъ, несмотря на то, что у нея была орава жениховъ). О Протеѣ, О Циклопѣ, или объ Одиссеѣ, Объ употребленіи вина, О Киркѣ (это—нимфа, у которой Одиссей жилъ цѣлый годъ во время своихъ странствованій), Объ Амфіараѣ, Объ Одиссеѣ, Пенелопѣ о собакѣ, Гераклъ или о мудрости и силѣ, Менексенъ или о владычествѣ, Алвивіадъ. Тимонъ не одобряетъ такой массы сочиненій и называетъ Антисѳена остроумнымъ болтуномъ. Такое обиліе сочиненій, представлявшихъ собственно упражненія въ ораторскомъ искусствѣ, объясняется тѣмъ, что Антисѳенъ былъ учителемъ риторики.

Антсѳенъ умеръ отъ какой-то болѣзни. Его ученикъ Діогенъ однажды навѣстилъ его. Антисѳенъ сказалъ: „Кто меня освободитъ отъ моихъ страданій?"—„Вотъ этотъ другъ", сказалъ Діогенъ, подавая ему кинжалъ. Антисѳенъ отвѣтилъ: „Освободитъ—отъ боли, а не отъ жизни!". Дѣйствительно, говоритъ Діогенъ Лаэртскій, Антисѳенъ любилъ жизнь и спокойно переносилъ болѣзни. Діогенъ Лаэртскій составилъ о немъ стишокъ. „Въ жизни былъ ты псомъ (намекъ на прозвище), который людей кусалъ языкомъ, а не ртомъ. Истощенный въ силу лишеній, ты умеръ. Тогда кто-то сказалъ: „Что же изъ этого?" Теперь же всѣ спрашиваютъ: „Не въ небѣ-ли искать путеводителя въ Аидъ?"

Было, говоритъ Діогенъ Лаэртскій, еще три Антисѳена. Одинъ изъ школы Гераклита, другой изъ Эфеса и третій съ острова Родоса.

Евклидъ.

Теперь обратимся къ Евклиду, котораго, конечно, нужно отличать отъ извѣстнаго геометра. Діогенъ не сообщаетъ того

трогательнаго извѣстія въ этой біографіи, что Евклидъ, подобно Эсхину, каждый день приходилъ на свиданіе къ Сократу. Когда же между его роднымъ городомъ и Аѳинами возникла война, и запрещено было приходить въ Аѳины подъ угрозой смертной казни, тогда онъ переодѣвался въ женское платье и продолжалъ навѣщать учителя, рискуя головой.

Евклидъ былъ родомъ изъ Мегары (лежитъ на Истмѣ). Онъ держался ученія Парменида. Отъ него пошли мегарики, которыхъ потомъ называли эристиками, и потомъ діалектиками. Такъ ихъ прозвалъ Діонисій изъ Карѳагена, потому что они учили съ помощью вопросовъ и отвѣтовъ. Эта Мегарская школа замѣчательна тѣмъ, что представители ея изобрѣли много фальшивыхъ силлогизмовъ. Къ Евклиду въ Мегарѣ, какъ сообщаетъ Гермодоръ, бѣжали послѣ смерти Сократа философы, боясь свирѣпости гонителей. Такимъ образомъ былъ моментъ, когда всѣ сократики собрались въ Мегарѣ у Евклида. Евклидъ принималъ одно только благо, которое носило разныя названія. Иногда оно называется у него мудростью, иногда Богомъ, духомъ и иными именами. Онъ не признавалъ, чтобы что бы то ни было можно было противопоставить этому благу.

Свои доказательства онъ представлялъ не въ видѣ теоремъ, а въ видѣ силлогизмовъ. Онъ отбрасывалъ уподобленія и былъ врагомъ образнаго способа выраженія мыслей. Онъ говоривалъ: „Если мы имѣемъ въ виду похожія вещи, то лучше указать на самыя вещи, а не на тѣ, которыя похожи; если же употребляемъ вещи несхожія, тогда наше сравненіе будетъ хромымъ.

Тимонъ такъ высмѣиваетъ его и другихъ сократиковъ: „Мало я забочусь объ этихъ болтунахъ, ни о комъ изъ нихъ въ частности, ни о Файдонѣ, ни о Евклидѣ, который ученикамъ Мегары внушилъ ярость къ спорамъ". Онъ написалъ пять діалоговъ подъ заглавіемъ: Лампріасъ, Эсхинъ, Фойниксъ, Критонъ, Алкивіадъ и о любви. У Евклида былъ ученикъ Евбулидъ, который ввелъ въ діалектику различныя умозаключенія и софизмы, какъ то: рогатый силлогизмъ, объ Электрѣ, о кучѣ песку, о лысинѣ (т.-е. когда начинается куча песку? если мы возьмемъ одну песчинку, будетъ ли это куча или нѣтъ; точно также и съ лысиной: будетъ ли уже лысина, если мы вырвемъ одинъ волосокъ и т. д.).

Объ Эвбулидѣ нѣкто сказалъ: „Смѣлый Евбулидъ, ты снабжаешь всѣхъ рогатыми заключеніями, тщеславными и

фальшивыми". Демосеенъ свой отточенный языкъ получилъ отъ Эвбулида. Дѣйствительно, Демосѳенъ, повидимому, былъ ученикомъ Эвбулида и по совѣту послѣдняго исправилъ недостатокъ своей рѣчи (картавилъ: не произносилъ р).

Симонъ - сапожникъ.

Затѣмъ сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній о другихъ ученикахъ Сократа, какъ напримѣръ, о Симонѣ - сапожникѣ. Симонъ-сапожникъ замѣчателенъ тѣмъ, будто Сократъ частенько захаживалъ къ нему въ мастерскую и обучалъ его. Симонъ же якобы, насколько позволяла ему память, записывалъ кое-что изъ бесѣдъ Сократа. Такъ возникли діалоги подъ названіемъ „Сапожничьихъ", числомъ 33. Относительно этихъ діалоговъ слѣдуетъ сказать, что они считались долгое время утерянными. Тейхмюллеръ усмотрѣлъ въ прибавленіи къ сочиненіямъ Секста Эмпирика 9 коротенькихъ діалоговъ, которыя не принадлежатъ Сексту. Въ этихъ діалогахъ тезисъ сначала доказывается, а потомъ опровергается. Тейхмюллеръ удачно доказалъ, что авторомъ этихъ діалоговъ былъ пресловутый Симонъ-сапожникъ: по мнѣнію Тейхмюллера авторомъ ихъ былъ человѣкъ недалекій; онъ съ презрѣніемъ отзывается о діалогахъ Платона. „Кто же, кромѣ Симона-сапожника, могъ бы относиться съ самодовольнымъ презрѣніемъ къ Платону?" спрашиваетъ Тейхмюллеръ.

О чемъ же онъ писалъ? О богахъ, о благѣ, о приличіи, что̀ такое приличіе, о правѣ двѣ книги, о добродѣтели, что ей нельзя учиться, о храбрости три книги, о законѣ, о народномъ управленіи, о чести, о поэзіи, о благосостояніи, о любви, о философіи, о наукѣ, о музыкѣ, еще о поэзіи, что такое прекрасное, объ изученіи, объ искусствѣ говорить, о сужденіи, о сущности, о числѣ, о заботливости, о трудолюбіи, о пышности, еще о прекрасномъ. Нѣкоторые приписываютъ ему слѣдующіе діалоги: о совѣщаніи, о предрасположеніи, о злости. Этотъ Симонъ, говорятъ, Сократовы мысли изложилъ въ діалогахъ. Его діалоги очень плохи, съ Платоновыми ихъ нельзя сравнивать. Говорятъ, что, когда Периклъ обѣщалъ одарить Симона, если тотъ переселится къ нему, онъ сказалъ: „Свободы я не продамъ". Но очевидно, что здѣсь ошибка. Периклъ жилъ гораздо раньше и былъ первымъ вельможей въ государствѣ; съ какой же стати онъ

сталъ бы приглашать къ себѣ на житье сапожника. Тейхмюллеръ здѣсь дѣлаетъ поправку, говоря, что Симона приглашалъ не Периклъ, а Діонисій, Сиракузскій тиранъ. Діонисій самъ былъ поэтъ и риторъ, онъ любилъ собирать около себя людей умныхъ (Платонъ, Аристиппъ). Но приглашалъ онъ и такихъ, надъ которыми можно было посмѣяться. Съ этой послѣдней цѣлью и приглашалъ онъ Симона (см. ниже).

Діогенъ Лаэртскій сообщаетъ, что было еще два Симона: одинъ риторъ, а другой скульпторъ.

Главконъ.

Далѣе къ числу учениковъ Сократа нужно отнести Главкона. Главконъ былъ родомъ изъ Аѳинъ, оставилъ девять діалоговъ въ одномъ томѣ: Фейдюлъ, Еврипидъ, Аминтихъ, Евтіасъ, Лиситидъ, Аристофанъ, Кефалъ, Анаксифемъ, Менексенъ. Изъ числа этихъ діалоговъ одинъ былъ посвященъ Еврипиду. Если бы онъ сохранился, то онъ для насъ былъ бы интересенъ, такъ какъ въ немъ авторъ, повидимому, касался вопроса объ отношеніяхъ трагика Еврипида къ Сократу, а извѣстно, что они были въ дружественныхъ отношеніяхъ. Есть свѣдѣніе, что Сократъ помогалъ Еврипиду въ составленіи нѣкоторыхъ трагедій. Главкону приписываютъ еще 32 діалога, но они подложны.

Симміасъ.

Симміасъ изъ Ѳивъ оставилъ въ одномъ томѣ 23 діалога: о мудрости, о разсужденіи, о музыкѣ, о стихахъ, о храбрости, о философіи, объ истинѣ, о писаніи, объ ученіи (какая была богатая педагогическая литература!), объ искусствѣ, о томъ, какъ начальники ведутъ дѣла, о приличествующемъ, что̀ слѣдуетъ избирать и чего бѣжать, о другѣ, о зломъ, о душѣ, о счастливой жизни, что̀ такое прекрасное (эстетическій вопросъ), о прилежаніи; послѣдній діалогъ—о любви (это любимая тема среди сократиковъ).

Кебесъ.

Кебесъ родомъ былъ изъ Ѳивъ; отъ него осталось три діалога: Пинаксъ (картина), Гебдомада, Фринихъ. Относительно „Картины" Кебеса слѣдуетъ сказать, что она очень распространена и переведена на многіе языки; посвящена она обозрѣнію человѣческой жизни.

Принадлежность ея Кебесу оспаривается. Говорятъ даже, что она не относится къ вѣку Сократа. Возраженіе основывается на томъ, что въ „Пинаксѣ" упоминаются перипатетики, философская школа, развившаяся послѣ Аристотеля. Но вѣдь это могло быть и позднѣйшею вставкой. „Картина" Кебеса получила огромное распространеніе, кажется, нѣсколько разъ редактировалась, такъ что наслоенія вполнѣ понятны; переписчикъ желалъ усовершенствовать трудъ и неудачно упомянулъ о перипатетикахъ.

Всетаки въ „Пинаксѣ" есть остовъ, который можно отнести ко временамъ Сократическимъ; духъ Сократа замѣчается во многихъ пунктахъ.

Теперь приступимъ къ разсмотрѣнію біографій двухъ политическихъ учениковъ Сократа. Для насъ этотъ обзоръ важенъ въ томъ отношеніи, что онъ освѣтитъ Сократа не какъ ученаго, а какъ политика. Не секретъ, что Сократъ отчасти былъ втянутъ въ политику. Политическими учениками Сократа являются Алкивіадъ и Критій.

Алкивіадъ.

Біографія Алкивіада, составленная Плутархомъ, довольно обширна и въ ней находимъ мы частыя упоминанія о Сократѣ. Ею мы и займемся.

Плутархъ сообщаетъ, что Алкивіадъ былъ сыномъ Эврисака, сына Аякса; мать же его происходила изъ знаменитаго рода Алкмеонидовъ. Отецъ Алкивіада пріобрѣлъ славу при Артемисіи, гдѣ сражался на собственной триремѣ, а потомъ въ битвѣ при Коронеѣ былъ убитъ. Послѣ этого опекуномъ Алкивіада былъ Периклъ.

Не совсѣмъ невѣрно то утвержденіе, что, благодаря доброжелательству и дружеству Сократа, Алкивіадъ немало

пріобрѣлъ для своей славы. Объ Алкивіадѣ сохранились даже самыя подробныя свѣдѣнія. Извѣстно, напримѣръ, что его нянька была спартанка. Замѣтимъ, что спартанки славились по всей Греціи, какъ лучшія кормилицы. Его воспитателемъ былъ Зопиръ. О Зопирѣ мы знаемъ изъ сочиненій Антисѳена, который посвятилъ ему спеціальный діалогъ. Нечего распространяться объ его красотѣ: красота Алкивіада на всякой ступени его возраста оставалась ослѣпительною. Алкивіадъ картавилъ, но и это придавало его рѣчи особую прелесть. Объ этомъ упоминаетъ Аристофанъ. Онъ даже приводитъ нѣсколько стиховъ, гдѣ изображается, какъ мило картавилъ Алкивіадъ. То же сообщаетъ въ стихахъ и Архиппъ.

Характеръ Алкивіада былъ полонъ противорѣчій. Великія страсти лежали въ его природѣ. Еще въ мальчишескихъ продѣлкахъ его проявляется честолюбіе, желаніе блистать. Однажды въ дракѣ мальчикъ-противникъ сильно сжалъ Алкивіада, но этотъ не хотѣлъ поддаваться и началъ кусать противнику руки, какъ будто желая ему откусить палецъ; тогда мальчикъ отпустилъ Алкивіада и сказалъ: „Ты кусаешься, словно баба". — „Ты хочешь сказать, словно левъ!" отвѣтилъ Алкивіадъ. Другой разъ, еще мальчикомъ, Алкивіадъ игралъ на узкой улицѣ „въволчёкъ"; когда пришла его очередь запускать волчёкъ, на улицѣ показалась подвода; Алкивіадъ приказалъ подъѣхавшему къ игравшимъ ямщику остановить лошадей, такъ какъ въ это время волчёкъ попалъ въ колею. Ямщикъ не хотѣлъ послушаться; тогда Алкивіадъ бросился передъ телѣгою и приказалъ ѣхать черезъ него; ямщикъ принужденъ былъ остановить лошадь.

Когда Алкивіадъ сталъ учиться, то охотно слушался всѣхъ учителей, не желалъ онъ только учиться игрѣ на флейтѣ, считая это занятіе низкимъ. Онъ говорилъ, что флейта стѣсняетъ человѣка, что это замокъ на уста, что игра на флейтѣ искажаетъ лицо человѣка до неузнаваемости, и добавлялъ: „Пусть молодежь въ Ѳивахъ дуетъ во флейту, такъ какъ она не умѣетъ говорить: Аѳиняне же имѣютъ своею царицей Палладу и Аполлонъ (богъ музъ) ихъ отецъ".

Протестъ его увѣнчался успѣхомъ: послѣ Алкивіада флейта была представлена только наёмникамъ и проституткамъ, тогда какъ ранѣе ею увлекалась вся аѳинская молодежь. Далѣе у Плутарха слѣдуетъ разсказъ о шалости Алкивіада, не совсѣмъ пристойной. Нѣкто Антифонъ, говоритъ

Плутархъ, написалъ ругательную рѣчь, въ которой сообщилъ, что Алкивіадъ, будучи еще мальчикомъ, убѣжалъ къ своему любовнику Демокриту; когда опекунъ сталъ разыскивать его, то Периклъ воспротивился этому и сказалъ: „если онъ умеръ, то мы узнаемъ объ его смерти черезъ глашатаевъ; если же онъ живъ, то на всю жизнь будетъ опозоренъ".

Точно такъ же онъ, будучи мальчикомъ, будто-бы убилъ дубиною своего слугу. Возможно, что былъ и такой фактъ. Отъ Алкивіада можно было всего ожидать: то былъ человѣкъ, который неожиданно могъ совершить величайшіе и подвиги, и глупости.

Когда онъ подросъ, свѣтъ сталъ платить дань его красотѣ. Въ это время начинаются сношенія Алкивіада съ Сократомъ. Любовь Сократа, полагаетъ Плутархъ, была высокимъ доказательствомъ добродѣтели и отличныхъ дарованій юноши. Сократъ желалъ охранить Алкивіада отъ толпы окружавшихъ его льстецовъ. И вотъ, несмотря на то, что аристократъ-богачъ Алкивіадъ съ дѣтскихъ лѣтъ былъ избалованъ, всетаки онъ не заперъ души передъ голосомъ предостереженія; его благородное сердце оцѣнило Сократа и шло навстрѣчу послѣднему. Плутархъ, вопреки свидѣтельству Платона, увѣряетъ, что Сократъ не искалъ въ Алкивіадѣ недостойнаго сладострастія, ни объятій, ни поцѣлуевъ. Окружавшіе Алкивіада удивлялись его дружбѣ съ Сократомъ.

Послѣдній былъ неразлучнымъ ему товарищемъ за столомъ, въ гимнастической школѣ, въ походномъ шатрѣ. Между тѣмъ со своими поклонниками изъ высшаго круга Алкивіадъ обходился надменно и сурово. Анитъ, напримѣръ, влюбился въ Алкивіада. Собравши однажды гостей, онъ рѣшилъ пригласить предметъ своей страсти. Алкивіадъ, поблагодаривъ за оказанную ему честь, предварительно напился дома съ товарищами, а затѣмъ пришелъ къ Аниту. Ставши въ дверяхъ, онъ позвалъ рабовъ, приказалъ имъ взять половину серебряныхъ сосудовъ и отнести къ себѣ домой, а потомъ ушелъ. Гости рѣшили, что Алкивіадъ обошелся весьма дерзко. Но Анитъ сказалъ: „Онъ поступилъ милостиво, такъ какъ онъ могъ взять все". По другому варіанту — золотая и серебряная посуда была отдана Алкивіадомъ бѣдняку. Далѣе разсказывается такая исторія. Какой-то аѳинскій союзникъ продалъ все имущество и вырученную сумму принесъ Алкивіаду, прося его принять это въ даръ. Алкивіадъ, пригласивъ

его къ себѣ и угостивъ, возвратилъ деньги, но приказалъ, чтобы онъ пошелъ на торги и далъ бы бо́льшую сумму, нежели постоянные откупщики. Но такъ какъ торги касались многихъ талантовъ, то онъ испугался и не хотѣлъ итти на торги. Алкивіадъ пригрозилъ, что онъ выпоретъ его. Утромъ союзникъ идётъ на рынокъ и перебиваетъ цѣну у откупщиковъ, давъ на одинъ талантъ болѣе ихъ. И тогда откупщики потребовали отъ него поручителя, будучи убѣждены, что онъ этого не можетъ. — „Зачислите меня", сказалъ Алкивіадъ, приближаясь къ нимъ. Когда откупщики услыхали это, имъ ничего не оставалось иного дѣлать, какъ отказаться отъ откуповъ; тогда они дали отступного союзнику, обласкали его, но Алкивіадъ не позволилъ ему взять меньше одного таланта.

Окружавшіе Алкивіада молодые люди часто увлекали его въ сторону развратной жизни, толкали его на далеко идущія предпріятія. Они, льстя, говорили ему, что, какъ только онъ приступитъ къ государственнымъ дѣламъ, то моментально затмитъ всѣхъ остальныхъ соперниковъ, затмитъ всѣхъ демагоговъ и политиковъ и даже превзойдетъ величіе и мощь самого Перикла. Но, какъ желѣзо, которое мы накаляемъ въ огнѣ, въ холодѣ получаетъ сжатіе частей, говоритъ Плутархъ, такъ Сократу удавалось производить на Алкивіада давленіе, приводить его въ смущеніе и послушаніе. Сократъ показывалъ ему, какъ онъ далеко отстоитъ отъ идеала и насколько онъ несовершенъ.

Далѣе Плутархъ продолжаетъ разсказъ о продѣлкахъ Алкивіада.

Едва, говоритъ Плутархъ, Алкивіадъ вышелъ изъ мальчишескаго возраста, онъ пришелъ къ одному школьному учителю и потребовалъ у него сочиненій Гомера. Когда тотъ сказалъ, что таковыхъ у него нѣтъ, Алкивіадъ далъ затрещину ему и ушелъ.

Другому учителю, который хвалился улучшеніемъ и исправленіемъ Гомера, Алкивіадъ сказалъ: „Коли ты можешь исправлять Гомера, такъ что же ты учишь мальчишекъ азбукѣ, а не учишь взрослыхъ?" Во время похода противъ Потидеи Алкивіадъ жилъ съ Сократомъ въ одной палаткѣ. Послѣдній сражался вмѣстѣ со ученикомъ. Битва была кровопролитная, Алкивіадъ получилъ рану и упалъ. Тогда Сократъ накрылъ его своимъ щитомъ и такимъ образомъ спасъ ему жизнь.

Кромѣ того, благодаря Сократу, Алкивіадъ получилъ въ награду за храбрость вѣнецъ и воинское вооруженіе.

Но Алкивіадъ не остался въ долгу у Сократа. Въ битвѣ при Спеліумѣ на Сократа напали враги, и онъ отступалъ съ небольшимъ остаткомъ воиновъ, медленно отбиваясь отъ непріятеля. Алкивіадъ увидѣлъ это, поспѣшилъ на помощь и спасъ Сократа отъ гибели. Далѣе Плутархъ опять возвращается къ продѣлкамъ Алкивіада.

Кто читалъ романъ Достоевскаго „Бѣсы", тотъ помнитъ, что тамъ героемъ выводится человѣкъ довольно странный, котораго революціонеры хотятъ сдѣлать своимъ руководителемъ. Это — Ставрогинъ, заканчивающій жизнь самоубійствомъ. О немъ Достоевскій сообщаетъ такой фактъ. Услыхавъ на одномъ вечерѣ, какъ нѣкій высокопоставленный господинъ повторялъ: „Меня не проведутъ за носъ", Ставрогинъ подошелъ къ нему, взялъ за носъ и провелъ по комнатѣ, поразивъ своею дикою выходкой окружающихъ.

Почти то же разсказываетъ про Алкивіада Плутархъ. Въ Аѳинахъ жилъ человѣкъ, пользовавшійся большимъ уваженіемъ и вліяніемъ, — Гиппоникъ, отецъ Каллія. Онъ былъ благороднаго происхожденія. Алкивіадъ разъ пошелъ на пари съ пьяною компаніей, что ударитъ по лицу старика, и дѣйствительно ни съ того, ни съ другого смазалъ его. Эта дерзость возбудила непріятные толки въ городѣ.

Тогда Алкивіадъ является въ домъ Гиппоника рано по утру, снимаетъ съ себя гиматій и говоритъ ему: „Вотъ тебѣ моя спина, — дери, сколько хочешь". Гиппоникъ былъ такъ тронутъ, что простилъ его и не только забылъ о своемъ огорченіи, но даже отдалъ ему въ замужество свою дочь Гиппарету. Гиппарета была вѣрной супругой Алкивіаду. Но онъ постоянно возился съ иностранными и мѣстными проститутками и до того отравлялъ ей жизнь, что она убѣжала къ брату. Алкивіадъ продолжалъ кутить. Тогда домашніе потребовали, чтобы Гиппарета явилась къ архонтамъ и подала прошеніе о разводѣ. Когда та послушалась совѣтовъ и пришла съ прошеніемъ, явился внезапно Алкивіадъ, схватилъ ее на руки и унесъ домой, такъ что никто не успѣлъ вырвать ее изъ его объятій; съ того момента Гиппарета жила у Алкивіада до самой смерти.

У Алкивіада была собака удивительной красоты и величины, стоила она свыше двухъ тысячъ рублей. Онъ взялъ и съ чего то отрубилъ ей хвостъ, отличавшійся необыкновенной

красотой. Тогда знакомые стали его упрекать и говорить, что всѣ въ городѣ жалѣютъ собаку. Онъ отвѣчалъ: „Я желалъ, чтобы объ этомъ заговорили и не разсказывали о чемъ-либо похуже".

Его первое оффиціальное выступленіе на государственномъ поприщѣ произошло случайно. Однажды онъ шелъ мимо шумнаго народнаго собранія и спросилъ, чего шумятъ. „Тутъ происходитъ пріемъ пожертвованій", отвѣчали ему. Тогда онъ взошелъ на трибуну и заявилъ о своемъ крупномъ пожертвованіи. Народъ началъ рукоплескать. Уходя, онъ выпустилъ птичку, которую несъ подъ плащемъ. Аѳиняне стали гоняться за птичкой въ народномъ собраніи. Одному изъ гражданъ, Антіоху, удалось поймать птичку; благодаря этому онъ потомъ пользовался большою дружбой Алкивіада. Выступивъ на поприще государственной дѣятельности со многими данными (знатное происхожденіе, красота; богатство, награды) Алкивіадъ сталъ заботиться о краснорѣчіи и достигъ въ этомъ отношеніи совершенства. Ѳеофрастъ говоритъ, что никто такъ удачно не выходилъ изъ затруднительнаго положенія, какъ Алкивіадъ.

Когда же послѣднему не удавалось подыскать фразу, онъ внезапно останавливался и это не портило впечатлѣнія.

Конюшня его славилась большимъ количествомъ упряжекъ. (Замѣтимъ, что къ числу аристократическихъ занятій въ Аѳинахъ относилась и ѣзда на колесницахъ. Это — обычай грековъ до Византійскихъ временъ). Кромѣ него, никто ни изъ частныхъ людей, ни изъ царей греческихъ не выступалъ на Олимпійскихъ играхъ съ семеркой колесницъ. Благодаря этому, Алкивіздъ получилъ первую, вторую, третью и четвертую награды, чего до него не бывало. Эврипидъ въ пѣсняхъ воспѣваетъ сына Клинія и говоритъ, что никому изъ грековъ, кромѣ него, не удавалось сразу получить четыре награды. Алкивіаду воздавали почести не только въ Аѳинахъ, но и на сторонѣ. Жители Эфеса и другихъ городовъ соорудили ему прекрасную палатку.

Жители острова Хіоса поднесли ему фуражъ и лошадинаго мяса. Жители Лесбоса принесли вина и закуски. Далѣе Плутархъ опять сообщаетъ о продѣлкахъ Алкивіада. Былъ въ Аѳинахъ нѣкто Діомедъ, другъ Алкивіада. Онъ хотѣлъ отличиться на Олимпійскихъ играхъ и, узнавъ, что въ Аргосѣ продается шикарная упряжка, поручилъ Алкивіаду купить ее и далъ деньги. Алкивіадъ согласился. Однако,

купилъ-то лошадей онъ для себя. Дѣло дошло до суда. Знаменитый ораторъ Исократъ читалъ защитительную рѣчь о колескѣ (эта рѣчь до насъ не дошла). Споръ тянулся такъ долго, что только сынъ Алкивіада выигралъ дѣло.

Далѣе Плутархъ разсказываетъ объ одной исторіи, гдѣ Алкивіадъ выступаетъ, какъ интриганъ.

Когда Алкивіадъ выступилъ на арену политической дѣятельности, большимъ уваженіемъ и почетомъ пользовался Никій. Это былъ уже немолодой человѣкъ, хорошій полководецъ. Кромѣ Никія, восходящею звѣздой, подобно Алкивіаду, былъ Ѳеаксъ. Послѣдній уступалъ ученику Сократа въ краснорѣчіи. Въ одной рѣчи этого Ѳеакса противъ Алкивіада говорилось, якобы Алкивіадъ позволялъ себѣ ежегодно пользоваться золотой и серебряной посудой, которую городъ держалъ для торжественныхъ обрядовъ. Алкивіаду не нравился тотъ почетъ, которымъ пользовался Никій, и онъ рѣшилъ погубить его во что бы то ни стало. Какъ извѣстно, Никій былъ сторонникомъ мира со Спартою, и благодаря его вліянію, былъ заключенъ съ нею миръ (Никіевъ миръ).

Алкивіадъ пускаетъ теперь въ ходъ всѣ пружины, чтобы нарушить миръ и втянуть государства въ войну. Между тѣмъ война была губительна и для Аѳинъ, и для Спарты, а такъ же и для Ѳивъ, которые были замѣшаны въ это междоусобіе. Отъ войны страдали и мелкіе города, которые совсѣмъ разорялись. Слѣдовательно, возбуждать междоусобіе было безсовѣстно. Однако, Алкивіадъ направляетъ дѣло къ войнѣ. Прежде всего онъ старается пошатнуть вліяніе Никія, виновника мира въ глазахъ народа. Онъ обвиняетъ его въ разныхъ упущеніяхъ во время войны, говоритъ, что будто бы Никій позволилъ уйти спартанцамъ, когда отступленіе для тѣхъ было отрѣзано и т. д. Въ это время прибываютъ изъ Спарты послы съ предложеніемъ заключить миръ и съ соотвѣтствующими полномочіями. Совѣтъ городской встрѣчаетъ пословъ дружественно. Народъ долженъ былъ собраться на агорѣ, чтобы принять ихъ условія, Алкивіадъ приглашаетъ потихоньку къ себѣ спартанскихъ пословъ и говоритъ: „Спартанцы, развѣ вы не знаете, что городской совѣтъ, когда къ нему обращаются, является всегда склоннымъ къ миру, тогда какъ народъ стремится къ бо̀льшому.

Если вы скажете, что у васъ имѣются полномочія, то къ вамъ будутъ относиться повелительно и насильственно; если вы хотите склонить аѳинянъ къ уступкамъ, то дѣйствуйте,

какъ бы не имѣли полномочій. Я и ваши друзья заступимся за Спарту". Онъ поклялся. Спартанцы слѣпо повѣрили, удивляясь его уму и пониманію политическихъ событій. Ихъ отпустили съ миромъ домой. Наконецъ наступаетъ день народнаго собранія. Являются послы. Алкивіадъ спрашиваетъ публично, съ какими вѣстями они приходятъ, и что у нихъ есть. Послы отвѣчаютъ, что у нихъ нѣтъ довѣренности. Тогда Алкивіадъ начинаетъ кричать, что аѳиняне оскорблены, называетъ спартанцевъ предателями и говоритъ, что отъ нихъ добра нечего ожидать. Народъ озлобился. Никій, который зналъ, что спартанцы явились съ довѣренностью, сидѣлъ и не понималъ всей игры. Между тѣмъ аѳиняне были возмущены. Мира не было заключено, и началась война. Полководцемъ избираютъ Алкивіада. Послѣдній въ качествѣ стратега обнаружилъ ловкость, заставивъ примкнуть къ аѳинянамъ жителей Аргоса. Произошла битва при Мантинеѣ, которая, однако, была неудачна для аѳинянъ. Такъ изъ-за личнаго честолюбія Алкивіадъ втянулъ аѳинянъ въ разорительную для нихъ войну. Что касается его частной жизни, то ее онъ старался обставить всевозможными удобствами. Одѣвался онъ съ большой роскошью. Щитъ носилъ онъ всегда золотой, вмѣсто отеческихъ гербовъ нарисовалъ Амура — Купидона съ громовыми стрѣлами Зевса. Аѳиняне иногда возмущались его поведеніемъ, но все-таки не могли съ нимъ разстаться. Ослѣпляли аѳинянъ его щедрыя пожертвованія на государственныя нужды, на устройство театральныхъ представленій, слава предковъ, краснорѣчіе, храбрость. И они прощали ему его продѣлки, приписывая ихъ слабости человѣческой природы.

Разсказываютъ, что одинъ живописецъ, Агатаръ не былъ согласенъ разрисовать ему комнаты; тогда Алкивіадъ заперъ его въ комнату и держалъ до тѣхъ поръ, пока тотъ не исполнилъ приказанія. — И это ему сошло. Другой разъ его соперникъ Тавреасъ хотѣлъ устроить театральное представленіе. Онъ тоже и его арестовалъ. Однажды изъ числа плѣнныхъ на островѣ Делосѣ онъ взялъ себѣ красивую дѣвушку и прижилъ съ ней ребенка. Все это прощали Алкивіаду.

Далѣе Плутархъ повѣствуетъ объ одномъ предпріятіи, которое чуть не погубило Алкивіада; это Сикелійскій походъ. Плутархъ говоритъ, что Сикелія давно привлекала взгляды аѳинянъ. Алкивіадъ шелъ далѣе, онъ хотѣлъ переброситься

на африканскій берегъ, покорить Ливію и Карѳагенъ. Въ то время, какъ Никій считалъ это предпріятіе непосильною задачей и предостерегалъ аѳинянъ, Алкивіадъ рисовалъ предъ ними заманчивыя перспективы, и походъ былъ рѣшенъ. Никій просилъ аѳинянъ опомниться, но ничего не помогало. Въ гаваняхъ уже стоялъ готовый къ отплытію флотъ. Однако, говоритъ Плутархъ, были дурныя предвѣщанія, такъ какъ день отправки экспедиціи совпалъ со днемъ погребенія Адониса. Въ эти дни женщины плакали, ломали руки, изображая горе. Кромѣ того, въ это же время были испорчены статуи Гермеса. Сначала пытались обвинить въ этой исторіи коринѳянъ. Коринѳъ, говорили—метрополія Сиракузъ и коринѳяне, желая испугать аѳинянъ и тѣмъ удержать ихъ отъ похода на Сицилію, устроили это. Другіе говорили, что пьяная компанія испортила статуи. Эта исторія интересна, какъ показатель того, что во времена Сократа атеизмъ уже былъ сильно распространенъ. Молодежь не вѣрила ни въ какихъ боговъ. Но старики относились къ религіозному вопросу серьёзно. Поэтому слѣдствіе объ оскорбленіи статуй Гермеса было поведено очень строго.

Въ это время выступаетъ Андроклъ и произноситъ роковое слово, обвиняя во всемъ происшедшемъ Алкивіада. Кромѣ того, онъ указывалъ на факты, которые показывали, что Алкивіадъ былъ нигилистомъ. Онъ говорилъ, что во время попоекъ Алкивіадъ высмѣивалъ Элевзинскія мистеріи. Послѣднія состояли изъ тайныхъ драматическихъ представленій, въ которыхъ трактовалось о безсмертіи души, о томъ, что послѣ смерти предстоитъ судъ для всѣхъ, наказаніе для злыхъ и награда добрымъ. Дѣйствующими лицами въ мистеріяхъ были: 1) керюксъ, который наблюдалъ за всѣмъ, 2) свѣтоносецъ, дадухъ, свѣтившій во время собраній, такъ какъ мистеріи совершались въ глубокомъ мракѣ, 3) іерофантъ, объявитель, объяснявшій таинства.

То же, но въ комическомъ видѣ продѣлалъ Алкивіадъ съ компаніей. Нѣкто Ѳеодоръ изображалъ изъ себя керюкса, Политій изображалъ свѣтоносца, а Алкивіадъ іерофанта. Обо всемъ написалъ сынъ Кимона, обвиняя Алкивіада въ асебіи, нечестіи—государственномъ преступленіи. Завязывалось серьезное дѣло. Народъ возсталъ противъ Алкивіада: за то армія была за него. Солдаты изъ Аргоса и Мантинеи говорили, что только въ угоду Алкивіаду совершаютъ они экспедицію за-море, и что, если его тронутъ, то

они откажутся отъ похода. Противники Алкивіада испугались осложненій и заявили, что сейчасъ Алкивіада, какъ полководца, нельзя трогать, и нельзя терять дорогое время на судебный процессъ; пусть онъ отправляется въ Сикелію, а по окончаніи войны можно начать дѣло. Этотъ манёвръ вполнѣ удался. Но Алкивіадъ требовалъ, чтобы не оставляли въ тылу у него враговъ и говорилъ, что, если онъ достоинъ смерти, то готовъ сейчасъ ее принять. Однако, получивъ приказъ отплыть, онъ принужденъ былъ повиноваться требованію и отплылъ въ сопровожденіи Никія и Ламаха на 40 галерахъ съ 5100 гоплитовъ и 1300 легковооруженныхъ. Начало экспедиціи было удачно. Алкивіадъ берётъ городъ Регину; затѣмъ отправляется въ Сикелію и отбираетъ городъ Каталу. Какъ только Алкивіадъ скрылся изъ Аѳинъ, враги его начали работать. Алкивіада начинаютъ обвинять въ тиранніи и асебіи, его сторонниковъ арестовываютъ. Въ народѣ даже высказывается сожалѣніе, что не расправились съ нимъ, какъ слѣдуетъ. Слѣдствіе, веденное противъ Алкивіада, не открыло особенно важныхъ фактовъ. Свидѣтели говорили, что видали, какъ портили статуи, но при лунномъ свѣтѣ трудно было разобрать лица совершавшихъ это. Плутархъ сообщаетъ, что нашелся человѣкъ, который назвалъ себя виновникомъ всего происшедшаго. Именно, въ тюрьмѣ сидѣли двое аѳинянъ—Андокидъ и нѣкто Тимей. Андокидъ былъ потомокъ Оллиса; его преслѣдовали, макъ демократа и врага аристократіи. Тимей, зная, какимъ уваженіемъ народа пользовался Андокидъ, уговорилъ послѣдняго, чтобы онъ принялъ вину на себя, а также, чтобы обвинилъ нѣсколькихъ лицъ, говоря, что, если онъ это сдѣлаетъ, то лично ему сограждане простятъ, и онъ, жертвуя меньшинствомъ, спасаетъ свою жизнь и большинства арестованныхъ сторонниковъ Алкивіада. Андокидъ согласился. И дѣйствительно, онъ былъ помилованъ, а остальные обвиненные имъ были присуждены къ смертной казни. Когда было кончено дѣло съ оскорбителями Гермеса, вся ярость народа обрушилась на Алкивіада. За нимъ послана была тріера, правда, съ инструкціею насильно его не брать: боялись бунта въ арміи, преданной Алкивіаду. Алкивіадъ, узнавъ о такомъ постановленіи, мѣняетъ фронтъ, дѣлается врагомъ аѳинянъ и начинаетъ мстить имъ. Пріѣхавъ въ аѳинскую колонію Ѳурею, онъ скрывается отъ конвоя.

Тогда его заочно присудили къ смертной казни и кон-

фисковали его имущество. Народъ этимъ не удовольствовался: „приказано было всѣмъ жрецамъ проклинать Алкивіада. Одна изъ жрицъ, Теонопа, дочь Миноса, отказалась подчиниться, объясняя свой отказъ тѣмъ, что она, какъ жрица, можетъ давать лишь благословеніе, а не проклинать: примѣръ, и до нынѣ не находящій себѣ послѣдователей.

На голову Алкивіада пало, слѣдовательно, тяжелое наказаніе и проклятіе. Такъ внезапно измѣнилась его судьба: онъ теперь—изгнанникъ, и, если попадётся въ руки аѳинянъ, его предадутъ смерти.

Поэтому Алкивіадъ скрывается въ Аргосѣ у друзей и обращается за помощью къ спартанцамъ, которыхъ недавно оскорбилъ самымъ ужаснымъ образомъ. Спартанцы, однако, согласились принять его и онъ скоро сдѣлался и у нихъ всеобщимъ любимцемъ.

Дѣло въ томъ, что кормилицею Алкивіада была спартанка, которая познакомила его съ обычаями лакедемонянъ. Поэтому ему легко было сдѣлаться „настоящимъ спартанцемъ". И, дѣйствительно, онъ носитъ длинные волосы, принимаетъ холодныя ванны, ѣстъ теперь ячмень, хлѣбъ и довольствуется одною черной похлебкою. Теперь никто не повѣрилъ бы, что онъ когда-то самъ имѣлъ массу слугъ, поваровъ и носилъ драгоцѣнные одежды. Вообще, Алкивіадъ могъ приспособляться ко всевозможнымъ условіямъ. Въ Спартѣ онъ былъ гимнастомъ, былъ умѣренъ и серьезенъ, тогда какъ въ Аѳинахъ былъ неограниченъ въ своихъ страстяхъ. Попавъ потомъ къ персидскому сатрапу, онъ затмилъ персидскую роскошь своею роскошной жизнью. Въ Спартѣ, однако, Алкивіадъ не оставилъ своихъ продѣлокъ. Въ отсутствіе Агиса царя, онъ близко сошелся съ Тимеею, его женою. Она забеременѣла и родила мальчика Ліотихида, котораго, впрочемъ, въ присутствіи друзей и прислуги называла Алкивіадомъ. Алкивіадъ же всѣмъ разсказывалъ, что это онъ сдѣлалъ съ тою цѣлью, чтобы его потомки сидѣли на спартанскомъ престолѣ.

Много пользы принесъ Алкивіадъ Спартѣ, но не мало причинилъ ей и непріятностей впослѣдствіи. Видя, что популярность Алкивіада возрастаетъ, аристократы рѣшили умертвить его. Однако, онъ узналъ про это и бѣжалъ къ персидскому царю. И тутъ онъ такъ очаровалъ всѣхъ своею ловкостью, вкрадчивостью, льстивостью, что каждый персъ считалъ за честь назвать себя Алкивіадомъ. Политика пер-

совъ въ то время состояла въ томъ, чтобы ссорить Аѳины и Спарту другъ съ другомъ и ослаблять ихъ силы взаимною враждой, а затѣмъ воспользоваться этимъ.

Алкивіадъ вполнѣ сочувствуетъ такому плану.

Вскорѣ Спарта и Аѳины узнаютъ, что Алкивіадъ въ Персіи и сдѣлался тамъ очень важнымъ лицомъ.

Аѳиняне уже начинаютъ сожалѣть о своихъ жестокихъ рѣшеніяхъ по отношенію къ Алкивіаду. Начинается двойная игра Алкивіада. Онъ входитъ въ тайныя сношенія съ аѳинянами (армія тогда стояла на Самосѣ), черезъ вѣстника онъ сообщаетъ аѳинскимъ вождямъ, что можетъ настроить Тиссаферна, полководца персидскаго, въ пользу аѳинянъ и сдѣлаетъ это въ угоду аѳинской аристократіи.

Такимъ образомъ онъ заявляетъ себя сторонникомъ олигархіи. Аѳинскіе вожди, услыхавъ такую вѣсть, обрадовались всѣ, за исключеніемъ Фриниха, который говорилъ, что Алкивіадъ желаетъ возвращенія въ Аѳины и такимъ образомъ преслѣдуетъ только личныя цѣли.

Вожди съ этимъ не соглашаются.

Тогда Фринихъ входитъ въ сношенія съ персидскимъ сатрапомъ Астіохомъ и предупреждаетъ его, что Алкивіадъ ведётъ двойную игру.

Астіохъ боялся своего начальника Тиссаферна и зналъ также, что Алкивіадъ у него въ великой милости. Желая угодить своему начальнику, онъ открываетъ Алкивіаду доносъ Фриниха. Тогда Алкивіадъ посылаетъ на Самосъ указанія, что одинъ изъ стратеговъ — предатель, и объявляетъ предателемъ Фриниха. Фринихъ опять посылаетъ къ Астіоху и обѣщаетъ предать весь аѳинскій флотъ и лагерь. Астіохъ опять доноситъ Алкивіаду. Алкивіадъ готовитъ уже жалобу на Фриниха. Тогда Фринихъ предупреждаетъ аѳинянъ, что готовится нападеніе непріятеля. Въ это время приходитъ письмо отъ Алкивіада съ указаніемъ на измѣну Фриниха, но теперь аѳиняне не вѣрятъ Алкивіаду. Въ это время Фриниха убиваетъ нѣкто Эфебъ на рынкѣ. Аѳиняне назначаютъ слѣдствіе, которое открываетъ измѣну Фриниха.

Въ концѣ концовъ Алкивіаду удаётся вернуться въ Аѳины. Это случилось, когда олигархическое правленіе смѣнилось демократическимъ. Но Алкивіадъ вернулся не съ пустыми руками: онъ разбилъ эскадру спартанцевъ, взялъ богатую добычу, и слѣдовательно, оказалъ родному городу большую услугу.

Далѣе онъ совершилъ цѣлый рядъ военныхъ подвиговъ и собралъ себѣ огромное имущество (всѣ его побѣды сопровождались грабежемъ). Наконецъ ему разрѣшаютъ вернуться въ Аѳины. Онъ возвращается съ необычайнымъ блескомъ. Паруса на его кораблѣ сдѣланы изъ пурпурной ткани. За нимъ слѣдовали галеры, везшіе побѣдные трофеи,—украшенія съ 200 разрушенныхъ Алкивіадомъ кораблей. Масса народа вышла встрѣчать своего бывшаго любимца. Однако, Алкивіадъ побоялся сейчасъ сойти на берегъ, когда былъ брошенъ якорь. Только увидавъ Эпиптолема и другихъ друзей, шедшихъ ему на встрѣчу, онъ рѣшился покинуть каюту и вступилъ на берегъ.

Начинаются овацiи. Его украшаютъ вѣнками. Взрослые указываютъ малымъ дѣтямъ на него пальцами. Алкивіадъ не упрекаетъ своихъ согражданъ за несправедливое отношеніе къ нему, а они проливаютъ слезы о томъ, что во время не вызвали его, такъ какъ тогда бы имѣли въ своей власти Сикелію.

Отъ друзей Алкивіадъ узнаетъ, что не задолго до его возвращенія, состоялось у аѳинянъ постановленіе, которое возстановляло его въ правахъ.

Наконецъ онъ явился на площадь; при общихъ крикахъ народа Алкивіада назначаютъ диктаторомъ, главнокомандующимъ морскихъ и сухопутныхъ силъ, ему возвращаютъ все имущество. Однако, были зловѣщія предзнаменованія. Возвращеніе Алкивіада пришлось на тотъ день, когда со статуи Аѳины-Паллады снимали всѣ украшенія, и она закрывалась. Въ этотъ день обыкновенно не бывало никакихъ празднествъ, и онъ считался несчастнымъ днемъ.

Такъ какъ одною изъ причинъ изгнанія Алкивіада было обвиненіе его въ кощунствѣ, то теперь онъ стремится обнаружить свою религіозность. Случай представился. Часть Элевзинскихъ мистерій составляли ежегодныя процессіи изъ Элевзиса въ Аѳины и обратно.

Такъ какъ теперь этотъ путь былъ занятъ войсками спартанскаго царя Агиса, то процессіи отправляли моремъ. Алкивіадъ же предлагаетъ провести участниковъ процессіи сухимъ путемъ въ Элевзисъ. Дѣйствительно, процессія подъ охраной Алкивіада не встрѣтила никакихъ препятствій на своемъ пути. Это еще болѣе возвышаетъ Алкивіада въ глазахъ народа, который уже хочетъ сдѣлать его тираномъ. Правительство начинаетъ побаиваться Алкивіада и настаива-

етъ, чтобы Алкивіадъ скорѣе выѣзжалъ со своими галерами и приступалъ къ военнымъ операціямъ. Алкивіаду удается захватить островъ Андросъ, но онъ не успѣваетъ покорить самого города. Уже эта неудача начинаетъ возбуждать подозрѣніе у аѳинянъ, подозрѣніе, нѣтъ ли опять здѣсь измѣны. Между тѣмъ дѣло объяснялось просто: у Алкивіада не хватало денегъ на войну. Въ то время, какъ спартанскій полководецъ Лисандръ, получая отъ персовъ денежную помощь, платилъ каждому воину по четыре обола, Алкивіадъ едва могъ давать три. — Алкивіадъ со своимъ флотомъ направляется къ берегамъ Малой Азіи. Сойдя на берегъ, онъ поручаетъ флотъ Антіоху. Послѣдній былъ отличный морякъ, но страдалъ маніей величія. И вотъ какъ только Алкивіадъ скрылся, онъ вздумалъ посмѣяться надъ спартанцами. Съ этой цѣлью Антіохъ беретъ два корабля и проплываетъ вдоль непріятельскихъ укрѣпленій. Лисандръ пускается въ погоню со всѣмъ флотомъ и наноситъ страшное пораженіе Аѳинянамъ.

Алкивіадъ, возвратившись, собираетъ остатки Эфесскаго флота, идетъ на Лисандра, но тотъ теперь уклоняется отъ сраженія. Когда вѣсть о произошедшемъ достигла Аѳинъ, поднялась буря негодованія. На Алкивіада посыпались обвиненія. Его обвинили въ превышеніи власти, въ томъ, что онъ довѣрилъ флотъ пьяному матросу, что онъ (Алкивіадъ) ради цѣлей грабежа и разврата сошелъ на берегъ Малой Азіи. Въ концѣ концовъ Алкивіада отстранили отъ должности полководца и на его мѣсто назначили Тразибула.

Наступаетъ самая ужасная страница въ исторіи Аѳинъ. Вновь назначенные полководцы Тимей и Менандръ стали съ флотомъ возлѣ рѣки Айгоса (Козьей рѣки). Днемъ они выѣзжали изъ гавани и предлагали сраженіе Лисандру. Но тотъ уклонялся. Вечеромъ аѳиняне возвращались въ гавань, сходили на берегъ и не предпринимали никакихъ мѣръ предосторожности. Алкивіадъ, находясь вблизи, указывалъ адмираламъ на ненормальное положеніе вещей и говорилъ, что во время войны надо и вести себя соотвѣтствующимъ образомъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ непріятель можетъ неожиданно напасть.

Адмиралы отвѣчали, что не его дѣло вмѣшиваться въ ихъ распоряженія. Однако, предсказанія Алкивіада сбылись. Лисандръ напалъ совершенно неожиданно на аѳинскій флотъ и уничтожилъ его. При этомъ онъ приказалъ перебить 3000

матросовъ. Далѣе онъ разрушилъ такъ называемыя длинныя стѣны, соединявшія гавань Пирей съ Аѳинами.

Алкивіадъ со своими сокровищами направился во Ѳракію, но былъ ограбленъ ѳракійцами; тогда онъ поѣхалъ къ Артаксерксу, ожидая, что тотъ приметъ его не хуже Ѳемистокла и другихъ, которые спасались у царя. Тамъ, говоритъ Плутархъ, была ему обѣщана защита и спокойствіе, и онъ переѣхалъ во Фригію и при дворѣ сатрапа Артабаса пользовался уваженіемъ персовъ. Поселился Алкивіадъ у одной своей фригійской любовницы, Тимандры.

Между тѣмъ въ Аѳинахъ стали сожалѣть объ Алкивіадѣ. Критій поэтому совѣтуетъ спартанцамъ убить Алкивіада, который не позволитъ, пока живъ, распространить спартанское вліяніе по всей Греціи. Спартанцы посылаютъ убійцъ. Тѣ подожгли домъ, гдѣ жилъ Алкивіадъ. Послѣдній, закрывшись плащемъ и коврами, съ мечемъ въ правой рукѣ выбѣжалъ изъ горящаго дома. Видъ его такъ напугалъ варваровъ, что тѣ разсѣялись и никто изъ нихъ не осмѣлился вступить съ нимъ въ единоборство; только издали его забросали копьями и стрѣлами. Послѣ этого Тимандра взяла его трупъ, одѣла своими покровами и похоронила.

Такъ кончилъ жизнь Алкивіадъ. Однако, есть и другая версія, быть можетъ, болѣе правдивая. Передаютъ, что онъ обольстилъ дѣвушку изъ мѣстнаго, благороднаго дома и увелъ ее къ себѣ. Братья дѣвушки оскорбились и рѣшили отомстить Алкивіаду. Они подожгли домъ, въ которомъ тотъ жилъ; когда же Алкивіадъ выскочилъ изъ пожарища, то заметали его копьями и стрѣлами, и онъ погибъ. Это извѣстіе болѣе вѣроятно, такъ какъ оно согласуется съ обычнымъ образомъ дѣйствій Алкивіада, который не умѣлъ держать себя въ рукахъ.

Мы такимъ образомъ разсмотрѣли біографію одного изъ замѣчательнѣйшихъ, по заложеннымъ въ немъ природнымъ дарованіямъ, сыновъ аѳинскаго народа, образъ котораго долго жилъ въ памяти послѣдняго. Но мы также видѣли, что этотъ человѣкъ въ отношеніи нравственности не представлялъ чего-либо достойнаго уваженія. Онъ былъ человѣкъ съ богатыми дарованіями, могъ прославить свой городъ, себя и своего учителя Сократа – однако, ничего не сдѣлалъ. Напротивъ, даже не разъ ставилъ родину на край погибели, также ухудшилъ и положеніе Сократа, такъ какъ послѣднему нечѣмъ было похвалиться въ такомъ ученикѣ. Это былъ

Сократовъ ученикъ, который содѣйствовалъ гибели своего учителя.

Критій.

Другой политическій ученикъ Сократа - Критій. Критій, какъ и Алкивіадъ, былъ человѣкомъ огромныхъ дарованій. Ученикъ Сократа, онъ не безъ пользы слушалъ его лекціи. Въ то же время Критій—поэтъ и музыкантъ, — незаурядный флейтистъ. Вообще натура его довольно разносторонняя. Однако, въ характерѣ его преобладали черты измѣнчивости, невѣрности и жестокости.

Критій былъ, кажется, и политическимъ писателемъ. Его перу приписываютъ трактатъ объ „Аѳинскомъ государствѣ", дошедшій въ составѣ сочиненій Ксенофонта. Трактатъ этотъ, несомнѣнно, цѣнный: онъ знакомитъ насъ съ демократическимъ правленіемъ въ Аѳинахъ. Авторъ, не сочувствуя демократическому образу правленія, сумѣлъ однако, прикрыть свое рѣзкое отношеніе къ послѣднему едва замѣтною ироніей. Съ перваго взгляда можетъ показаться, что онъ якобы одобряетъ демократическое устройство Аѳинъ, — въ дѣйствительности же смѣется надъ нимъ. Критій писалъ и трагедіи („Сизифъ"), писалъ и лирическія сочиненія. До насъ дошли изъ всего этого незначительные отрывки, которые обнаруживаютъ въ немъ поэта не безъ дарованій и незауряднаго мыслителя.

Біографія его такова. Критій принадлежавшій по происхожденію къ аристократическому роду, въ началѣ своей политической дѣятельности — врагъ демократіи и склоняется къ олигархіи. Когда же свергается олигархія, онъ выступаетъ якобы приверженцемъ демократическаго образа правленія. Когда наступаютъ иныя времена, когда возвращается спартанское владычество, а съ нимъ выступаетъ олигархія 30-ти, то въ числѣ послѣднихъ мы видимъ Критія. Тридцать олигарховъ были избраны тотчасъ по разрушеніи длинныхъ стѣнъ, соединявшихъ гавань Пиреи и Аѳины. Это случилось послѣ побѣды спарганцевъ у Айгосъ - потамоса (см. выше).

Тридцать олигарховъ были, собственно, назначены для того, чтобы составить проектъ новаго государственнаго устройства. Однако, они прежде всего стремятся упрочить свое положеніе. Съ этой цѣлью они посылаютъ Эсхина и

Аристотеля (не философа) упросить Лисандра дать въ ихъ распоряженіе гарнизонъ будто бы для того, чтобы усмирить дурныхъ гражданъ, препятствующихъ введенію новаго государственнаго строя; содержаніе гарнизона они обѣщались принять на свой счетъ. Лисандръ уступаетъ этой просьбѣ, посылаетъ гарнизонъ и Калитія въ качествѣ гармоса. Когда прибылъ гарнизонъ, олигархи привлекли Калитія на свою сторону. Послѣдній одобрялъ всѣ ихъ планы и давалъ столько солдатъ, сколько было нужно для осуществленія тѣхъ или иныхъ намѣреній олигархіи. Тогда олигархи начинаютъ хватать своихъ противниковъ, сторонниковъ демократіи. Среди самыхъ олигарховъ возникаютъ недоразумѣнія. Ссора произошла между Критіемъ и Терамеиомъ. Сначала оба они были пріятели. Но вотъ Критій, мстя за свое недавнее изгнаніе, хватаетъ и убиваетъ людей. Терамеиъ говоритъ ему, что нужно щадить тѣхъ людей, которые пользуются хорошею репутаціей. Критій сначала дружески указываетъ Терамену, что, если кто хочетъ править, тотъ долженъ убрать съ дороги тѣхъ, кто мѣшаетъ этому. (Въ древне-русскомъ языкѣ была поговорка, употребляющаяся относительно политическихъ дѣятелей: „не раздавивши пчелъ, меду не ѣсть"). Терамеиъ вполнѣ резонно отвѣчаетъ, что нужно заинтересовать возможно большее число людей, въ новомъ образѣ правленія, и такимъ образомъ упрочить свое положеніе, — если же этого не сдѣлать, то олигархія не долговѣчна. Критій начинаетъ опасаться, какъ бы граждане не стали группироваться вокругъ Терамена; однако, совѣтъ послѣдняго не пропадаетъ даромъ. Изъ числа гражданъ избираются 3000, чтобы они принимали участіе въ управленіи. Затѣмъ олигархи обезоружили всѣхъ аѳинскихъ гражданъ, кромѣ 3000 избранныхъ. Началась бойня. Ради денегъ, по совѣту Критія, стали лишать жизни, сначала политическихъ противниковъ, а потомъ вообще богачей.

Терамеиъ протестовалъ противъ подобныхъ убійствъ. Тогда Критій начинаетъ подумывать о томъ, какъ бы погубить самого Терамена. Онъ собираетъ совѣтъ, на который приглашаетъ своихъ сторонниковъ, предложивъ имъ запастись оружіемъ. Когда пришелъ Терамеиъ, Критій обратился къ собравшимся съ рѣчью. Въ ней онъ сначала указалъ, что казни необходимы, когда совершается революція и устанавливается новый образъ правленія. Поэтому тотъ, кто протестуетъ противъ казней, является врагомъ послѣдняго

(олигархіи). Къ числу такихъ лицъ Критій относитъ Терамена. Онъ говорилъ, что Тераменъ вообще отличался страшной измѣнчивостью, что не даромъ ему дали прозвище, „котурнъ" [1]), что онъ стремится погубить олигархію и олигарховъ, указалъ на различныя мнимыя преступленія Терамена, напр., что послѣдній, послѣ сраженія при Лесбосѣ, будто бы не исполнилъ приказанія — выловить изъ воды потерпѣвшихъ крушеніе аѳинянъ, что, благодаря ему, адмиралы были присуждены къ смерти. Въ заключеніе онъ умоляетъ совѣтъ не щадить Терамена. „Если вы", говоритъ онъ, „разумны, то вы его не пощадите, а предадите смертной казни; вы сами видите, что если мы его выпустимъ, то это усилитъ нашихъ противниковъ, а его осужденіе обезоружитъ ихъ, лишитъ ихъ всякихъ надеждъ".

Тераменъ защищается, какъ только можетъ противъ этого обвиненія, подробно опровергая доносы Критія. Защита оказалась удачною. Граждане выражаютъ сочувствіе Терамену криками и привѣтствіями. Критій видитъ, что, если дѣло дойдетъ до голосованія, то Терамена отпустятъ. Поэтому онъ обмѣнивается нѣсколькими словами съ олигархами, затѣмъ вводитъ вооруженныхъ молодыхъ людей. Наконецъ, обращаясь къ собравшимся, говоритъ: „Если человѣкъ, стоящій у власти, видитъ, что его друзья позволяютъ обманывать себя, внимая ложнымъ рѣчамъ врага, то онъ считаетъ своимъ долгомъ поправить ошибку. Поэтому я, съ согласія 30 олигарховъ, беру списокъ и вычеркиваю изъ него Терамена. Вотъ эти люди (онъ указалъ на вошедшихъ молодыхъ людей со спрятаннымъ оружіемъ) не позволятъ отпустить человѣка, который хочетъ погубить олигархію. Услыхавъ это, Тераменъ подбѣгаетъ къ алтарю и говоритъ: „Я обращаюсь къ вамъ, граждане, со справедливѣйшей просьбою: не давайте права Критію вычеркивать меня изъ списка, но судите меня по закону. Я знаю, что этотъ алтарь не поможетъ мнѣ, но хочу указать, что олигархи не только не боятся совершить преступленіе передъ людьми, они не боятся и кощунства". Видя, что граждане остаются въ томъ же положеніи, онъ продолжаетъ: „Что же не рѣшаетесь придти на помощь, вѣдь вы знаете, что также легко могутъ вычер-

---

[1]) Т.-е. сапогъ: какъ сапогъ годится на всякую ногу, такъ и Тераменъ умѣетъ де примазываться къ той или другой партіи.

кнуть изъ списка имя каждаго изъ васъ". Тогда 30 олигарховъ приказываютъ схватить Терамена. Сатеръ, самый безстыдный изъ всѣхъ, насильно отрываетъ Терамена отъ алтаря. (Эта сцена напоминаетъ арестъ въ конвентѣ Робеспьера, котораго, вопреки всякому закону, схватываютъ и влекутъ, чтобы предать потомъ смертной казни).

Члены совѣта не знали, что̀ имъ дѣлать. Они знаютъ хорошо, что сторонники Критія снабжены мечами. Схватившіе повлекли Терамена на рынокъ. Напрасно Тераменъ призывалъ народъ въ свидѣтели, какъ съ нимъ обходятся. Сатеръ ему сказалъ, что ему придется плохо, если онъ не замолчитъ. Тераменъ возразилъ: „Все равно: если я буду молчать, мнѣ лучше не будетъ". Въ темницѣ его уморили, предложивъ выпить кубокъ съ ядомъ. Выпивъ большую дозу яда, остатки онъ бросилъ на полъ съ крикомъ: „Въ честь, за здравіе прекраснаго Критія".

Переходя къ вопросу объ отношеніяхъ Критія къ Сократу, мы должны констатировать тотъ фактъ, что Критій слушалъ великаго учителя, бесѣдовалъ съ нимъ. Однако, онъ оказался неблагодарнымъ ученикомъ, такъ какъ, когда сталъ во главѣ 30 олигарховъ, первый поднялъ гоненіе на своего учителя и настоялъ на изданіи распоряженія о запрещеніи Сократу обучать юношество. Что касается свидѣтельствъ Платона по интересующему насъ вопросу, то къ нимъ слѣдуетъ относиться съ нѣкоторой осторожностью: Платонъ былъ связанъ съ Критіемъ родственными отношеніями, а потому не могъ быть вполнѣ безпристрастнымъ въ сужденіяхъ о своемъ дяденькѣ.

Критій фигурируетъ въ нѣсколькихъ діалогахъ Платона.

Такъ, въ діалогѣ „Протагоръ" Платонъ сообщаетъ, что въ то время, какъ Алкивіадъ ведетъ борьбу въ защиту Сократа, Критій занимаетъ нейтральную позицію и не высказывается ни за, ни противъ учителя. Въ діалогѣ „Хармидъ" Платонъ изображаетъ Сократа, относящимся къ Критію съ нѣкотораго рода ироніей. Всего дружественнѣе Сократъ и Критій выведены въ послѣднемъ, недописанномъ діалогѣ „Критій". Еще Критій фигурируетъ въ діалогѣ „Тимей". Этотъ діалогъ законченъ, однако, изобилуетъ мѣстами довольно фантастическими и мало понятными. Платонъ здѣсь разсказываетъ, какъ Деміургъ творилъ міръ, руководствуясь геометрическими и музыкальными отношеніями.

Въ отрывкахъ діалога „Критій" Платонъ отъ лица Критія разсказываетъ, какъ древнее населеніе Аѳинъ ведетъ борьбу съ буйнымъ населеніемъ древняго материка – Атлантиды.

Критій извѣстенъ не только, какъ государственный дѣятель, но и какъ поэтъ. Изъ его сочиненій, дошедшихъ до насъ, назовемъ трагедію „Сизифъ" и разсмотримъ содержаніе дошедшихъ до насъ ея отрывковъ.

„Было время", говоритъ Критій, „когда родъ людской жилъ на свободѣ, повинуясь только дикому праву силы. Тогда не воздавали благодарственной оцѣнки дѣламъ добрыхъ людей, на дѣла злыхъ не налагалось никакой узды. И вотъ, мнѣ кажется, среди людей появилась такая мысль: „Давайте, издадимъ законы, пусть справедливость будетъ нашей владычицею, нахальство же и дерзость заключимъ въ узы". Съ тѣхъ поръ сталъ подлежать наказанію обидчикъ, и защищали власть законовъ. Тогда, я думаю, нѣкто, подлый человѣкъ, своимъ большимъ умомъ изобрѣлъ для человѣчества нѣкоторое пугало на страхъ злымъ, если бы они стали дѣлать, думать и говорить что-либо дурное: онъ выдумалъ для нихъ вѣру въ боговъ. Этотъ мудрецъ сталъ учить, якобы нѣкое существо (Богъ), всегда цвѣтущее неистощимою силою, все слышитъ и внутреннимъ духовнымъ окомъ наблюдаетъ за исполненіемъ справедливости и права. Нѣтъ будто бы ни одного дѣла, коего Богъ не могъ бы увидѣть и услышать. Если кто-либо въ глубокой тайнѣ замышляетъ зло, Богъ того покараетъ.

Такъ говорилъ мудрецъ, скрывая истину въ лживомъ словѣ.

Жилищемъ для своихъ боговъ далъ онъ то мѣсто, которое во всѣхъ человѣческихъ сердцахъ пробуждаетъ самый большой страхъ, откуда для человѣка исходитъ высшее благословеніе, откуда извивается молнія, откуда гремитъ громъ, откуда блещетъ огненный шаръ, откуда къ намъ льется дождь,—однимъ словомъ назначилъ жилищемъ богамъ небесный сводъ. Послѣдній возвѣщаетъ намъ время своимъ звѣзднымъ одѣяніемъ и, повинуясь искусству мудреца-устроителя, со дня на день, какъ намъ кажется, вращается вокругъ земли. Создавши пріютъ для божества, этотъ мудрецъ загналъ людей подъ ярмо закона. Такъ вотъ, я думаю, какимъ образомъ возникла на землѣ вѣра въ боговъ".

Приведенный отрывокъ интересенъ для насъ въ нѣсколь-

кихъ отношеніяхъ. Прежде всего въ немъ мы находимъ довольно своеобразную гипотезу о происхожденіи понятій справедливости и права, которыя оказываются выдумкою людей. Далѣе, атеистъ Критій и вѣру въ боговъ считаетъ выдумкой мудрыхъ людей, направленной на подавленіе злыхъ инстинктовъ. Дураки, по его мнѣнію, вѣрятъ этой выдумкѣ, а для такого мудреца, который разгадалъ истинное положеніе дѣлъ, эта выдумка не имѣетъ будто бы значенія.

Перейдемъ къ другимъ отрывку.

„Я желалъ бы царскаго богатства и царскаго высокомѣрія. Какъ я прекрасно украшалъ бы себѣ голову повязкою побѣды"...

„Любовь не состарится до тѣхъ поръ, пока на пирахъ будутъ ппть кубки, полные вина. До тѣхъ поръ не умретъ любовь, пока въ священную ночь не перестанетъ звучать хоръ 30 дѣвушекъ, пока изъ кубка бросаютъ капли на коттабосъ, и онъ такъ сильно ударяется о фигурку бѣднаго человѣчка, что получается звукъ. Бросать изъ кубка остатки вина въ этой восхитительной игрѣ и попадать въ висящую на воздухѣ мѣдную чашечку научила Сикелію. Точно также этотъ островъ изготовляетъ для продажи самыя лучшія и самыя прекрасныя колесницы. Θессалія даетъ намъ лучшія сѣдла, блаженное отдохновеніе членовъ нашего тѣла—Хіосъ, окруженный моремъ, городъ Милетъ строитъ кровати для ночнаго покоя. Другая страна получаетъ, на нашъ взглядъ награду за золотую сбрую и домашнюю мѣдную посуду. Равнымъ образомъ заслуживаетъ признанія финикійское изобрѣтеніе — письмо. Городъ Θивы первый соорудилъ колесницы для боя, другіе первыми построили корабли. Вращать глину на станкѣ и обжигать ее въ печи, чтобы впослѣдствіи пользоваться столь необходимымъ кухоннымъ горшкомъ, — изобрѣлъ городъ, который на поляхъ Мараѳона поставилъ свой трофей" (Аѳины).

Въ приведенномъ отрывкѣ Критій такимъ образомъ перечисляетъ мѣстности, гдѣ живутъ греки, и отмѣчаетъ ихъ изобрѣтенія. При чемъ самымъ полезнымъ изобрѣтеніемъ онъ считаетъ изготовленіе кухоннаго горшка [1]), которое приписываетъ своему родному городу — Аѳинамъ.

---

[1]) Вспомянемъ, однако, поэта иной земли, толкующаго о горшкѣ съ презрѣніемъ:

Печной горшокъ тебѣ дороже:
Ты пищу въ немъ себѣ варишь!

Приведемъ, наконецъ, еще одинъ отрывокъ, восхваляющій спартанцевъ. „Вотъ непреложные законы на пиршествахъ спартанцевъ: 1) Каждый пьетъ вино изъ своего кубка, 2) не призывай по имени своего друга, чтобы онъ отвѣтилъ тебѣ, 3) не пускай свой бокалъ въ правую сторону, въ круговую, Азіатскій обычай пить изъ круговой чаши, принесъ въ Элладу изнѣженный народъ Ливіи, и онъ (обычай) привился у насъ (аѳинянъ). Такого рода употребленіе вина развязываетъ языки для самыхъ постыдныхъ рѣчей, позволяетъ тѣлу ослабнуть, обращаетъ нашу силу въ слабость; сумерки и мракъ спускаются на глаза такихъ кутилъ, падаетъ ихъ разумъ, лишенный всякой опоры; въ такомъ состояніи люди не признаютъ никакой узды; расходъ и расточительность находятъ себѣ пріютъ въ ихъ домѣ. Но спартанцы, мощные сыновья, пьютъ настолько, чтобы настроить на веселый ладъ умъ и сердце; ихъ пиршество полно радостнаго остроумія и шутливаго смѣха. Такія привычки сохраняютъ душу и тѣло, приносятъ пользу. Если наша круговая чаша радуетъ кутилъ въ моментъ пиршества, зато огорченія тяготятъ ихъ въ послѣдующіе дни. Лакедемонскій обычай (въ питьѣ) хранитъ духъ въ ясности, дѣлаетъ насъ способными къ перенесенію трудовъ"...

Отрывокъ этотъ, какъ мы видимъ, представляетъ восхваленіе умѣреннаго употребленія вина у лакедемонянъ, которое сохраняетъ душу и тѣло и служитъ только для увеселенія. Параллельно авторъ рисуетъ противоположную картину: чрезмѣрное увлеченіе виномъ аѳинянъ. Стихотвореніе это очень важно для исторіи культуры. Въ „Симпозіонѣ" Платонъ изображаетъ, что аѳиняне любили за столомъ болѣе философствовать, чѣмъ выпивать. Критій, однако, утверждаетъ совсѣмъ противоположное и такимъ образомъ исправляетъ пристрастное сообщеніе своего племянника.

Сочиненія нѣкоторыхъ учениковъ Сократа.

Перейдемъ теперь къ новой главѣ, въ коей разберемъ сочиненія нѣкоторыхъ учениковъ Сократа. Какъ я уже упоминалъ, кромѣ Платона и Ксенофонта, есть и другіе сократики: Симонъ—сапожникъ, Кебесъ...

Первому приписываются такъ называемыя „сапожническіе" діалоги, второму — „Картина". Нельзя, впрочемъ не

оговориться, что многими оспаривается принадлежность ихъ указаннымъ авторамъ.

Обращаясь къ „сапожническимъ" діалогамъ, напомню вкратцѣ ихъ исторію.

Въ корпусѣ сочиненій Секста Эмпирика, въ концѣ имѣются странные діалоги. Первые издатели относили ихъ къ произведеніямъ сравнительно поздней поры (скептической).

Однако, детальное изученіе побудило другихъ ученыхъ отнести появленіе ихъ къ болѣе раннему времени.

Такъ, Тейхмюллеръ высказалъ предположеніе, что діалоги принадлежатъ Симону—сапожнику, ученику Сократа. Для читателя этихъ діалоговъ съ тѣхъ поръ, какъ на нихъ было сосредоточено вниманіе, казалась странною неумѣлая форма изложенія. Нѣтъ той драматической формы, въ какую облекалъ свои діалоги Платонъ. Это обстоятельство навело изслѣдователей на мысль, что указанныя произведенія слѣдуетъ отнести ко времени, когда искусство діалоговъ только еще зарождалось, т.-е., къ до-платоновскому періоду.

Я не буду повторять довольно остроумныхъ доводовъ Тейхмюллера, приведенныхъ имъ въ подтвержденіе принадлежности діалоговъ Симону - сапожнику. Я отмѣтилъ уже выше, что Тейхмюллеръ исправилъ то мѣсто въ Діогена Лаэрція біографіи Симона, гдѣ говорится, якобы Периклъ приглашалъ къ себѣ Симона. По мнѣнію Тейхмюллера, слѣдуетъ вмѣсто „Периклъ" читать „Діонисій Сиракузскій". Мы знаемъ, что Діонисій собиралъ при своемъ дворѣ философовъ, поэтовъ.

Тамъ былъ Платонъ, довольно долго жилъ Аристиппъ. Возможно, что Діонисій, любившій также собирать около себя и курьёзы, по совѣту Аристиппа, знавшаго Симона, пригласилъ къ себѣ послѣдняго. Однако, Симонъ отказался послѣдовать приглашенію.

Подобное соображеніе проливаетъ свѣтъ на довольно долго мучившее критиковъ обстоятельство: почему діалоги написаны на дорическомъ нарѣчіи (дористѝ), а не на аттическомъ. Тейхмюллеръ указалъ на то, что – по Діогену же— Аристиппъ частью писалъ на аттическомъ нарѣчіи, частью на дорическомъ. Находясь при дворѣ Діонисія, онъ, такъ сказать, въ угоду тиранну писалъ нѣкоторыя произведенія мѣстнымъ дорическимъ стилемъ. Симонъ, какъ и многіе другіе изъ учениковъ Сократа, вѣроятно, посылалъ свои сочиненія Діонисію въ надеждѣ получить за нихъ награду, по-

дарки, а потому и писалъ ихъ тоже на дорическомъ нарѣчіи, которымъ говорилъ тираннъ. Можетъ быть, послѣ полученія діалоговъ Діонисій и пригласилъ къ себѣ Симона, на что тотъ отвѣтилъ отказомъ.

Доказавъ, что діалоги принадлежатъ Симону, Тейхмюллеръ далѣе разбилъ ихъ на части и указалъ, что по обрабатываемымъ темамъ они удивительно точно подходятъ къ тѣмъ заглавіямъ, которыя приводитъ Діогенъ Лаэртскій.

Всѣхъ діалоговъ оказалось восемь:

1) Разсужденіе о добрѣ и злѣ, 2) о нравственно прекрасномъ и гадкомъ, 3) о справедливомъ и несправедливомъ, 4) объ истинѣ и лжи, 5) о бытіи, 6) о мудрости и добродѣтели, можно ли ее изучать? 7) о народныхъ ораторахъ, 8) о наукѣ.

Конечно, Симономъ было написано болѣе восьми діалоговъ, но до насъ дошли только перечисленные выше. Замѣтимъ, что рукопись сохранила довольно странное имя автора —„Мюстесъ"; это имя Тейхмюллеръ замѣняетъ Симономъ.

Перейдемъ теперь къ разбору діалоговъ.

I. *О добрѣ и злѣ.*

„Философствующіе въ Греціи держатъ *двоякія рѣчи* о добрѣ и злѣ. Одни говорятъ, что добро и зло различаются, другіе наоборотъ утверждаютъ: добро и зло—одно и то же, при чемъ, для однихъ это добро, для другихъ то же самое—зло, даже для одного человѣка—иногда—добро, иногда—зло.

Дальнѣйшее изложеніе Тейхмюллеръ разбилъ въ каждомъ діалогѣ на логосъ и антилогосъ (или тезисъ и антитезисъ).

Тезисъ: *добро и зло одно и то же.*

„Я обращу свое вниманіе на тѣ вещи, около которыхъ вращается человѣческая жизнь: на кушанье, питье и любовныя удовольствія. Эти вещи для больного — зло, для здороваго—благо. Ѣда, кушанье, любовныя удовольствія для больного - зло, для здороваго - благо. Также неумѣренность для неумѣреннаго—зло, для врачей—благо. Смерть для умирающаго—зло, для могилокопателей благо. Если въ сельскомъ хозяйствѣ бываетъ хорошій урожай, то для самихъ земледѣльцевъ—это благо, для оптовыхъ торговцевъ—зло. Если грузовые корабли повреждаются трeніемъ или толчкомъ, то для владѣльца корабля это—зло, для корабельныхъ мастеровъ благо. То обстоятельство, что желѣзные предметы ржавѣютъ, тупѣютъ и стираются, для всѣхъ прочихъ — зло, для

кузнецовъ—благо. По правдѣ сказать, если глиняная посуда разбивается, для всѣхъ прочихъ—зло, для горшечниковъ благо. Если сапоги протираются или рвутся, для всѣхъ прочихъ—зло, для сапожника—благо (не о своемъ-ли [1]) ремеслѣ?).

При гимнастическихъ и воинскихъ состязаніяхъ побѣда для побѣдившаго — благо, для побѣжденнаго—зло. Такъ же дѣло обстоитъ съ бойцами и съ тѣми, которые дерутся на-кулачки, съ любителями игры на киѳарѣ: для побѣждающаго—благо, для побѣждаемаго — зло. И въ войнѣ (чтобы упомянуть самую послѣднюю новинку)—побѣда лакедемонянъ надъ аѳинянами и ихъ союзниками (Пелопонезская война?) для лакедемонянъ — благо, для аѳинянъ и ихъ союзниковъ — зло. Побѣда, которую эллины одержали надъ варварами, для эллиновъ — благо, для варваровъ—зло. Значитъ,—покореніе Трои для ахейцевъ—благо, дла троянцевъ—зло. Сраженіе ѳивянъ и аргивянъ и сраженіе кентавровъ и лапитовъ для ѳивянъ и лапитовъ—благо, для аргивянъ и кентаровъ—зло. Гигантомахія, такъ называемая борьба между богами и гигантами, побѣда была для боговъ благомъ, для гигантовъ зломъ.

Антитезисъ: *добро и зло различаются не только по имени, но и по существу.*

„Я думаю, что не совсѣмъ ясно, что̀ есть добро, и что̀ есть зло,—если то и другое—одно и то же.

Я думаю, если бы того, кто это утверждаетъ, спросить о чемъ либо, ему нечего было бы отвѣтить.

Напримѣръ, скажи мнѣ: оказалъ ли ты своимъ родителямъ какое-либо благо? Онъ бы, конечно, отвѣтилъ: „Разумѣется, я оказалъ имъ много добра". „Тогда", отвѣчалъ бы я, „значитъ, ты оказалъ имъ много замѣчательнаго зла, если благо и зло одно и то же. Но врагамъ, ты говоришь, причинилъ ты много зла: стало быть, ты сдѣлалъ для нихъ много добра. Отвѣчай теперь вотъ на что: жалѣешь ли ты нищихъ за то, что они переносятъ много лишеній, и хвалишь ли ты блаженство богатыхъ, если благо и зло—одно и то же. Вѣдь при этомъ условіи ничто не препятствуетъ, чтобы самого великаго персидскаго царя смѣшать съ нищимъ, потому что обладаніе самымъ великимъ и значительнымъ благомъ, представляетъ самое великое и значительное зло, если благо и зло—одно и то же.

---

[1]) Это мѣсто Тейхмюллеръ особенно подчеркиваетъ.

Теперь, пожалуй, я обращусь къ частностямъ. Начну съ питья, ѣды, любовныхъ удовольствій. Для тѣхъ, кто слабъ, чтобы позволять себѣ все таковое, это было бы благомъ, если благо и зло одно и то же. Я не объясняю вамъ, въ чемъ заключается благо, а пытаюсь только научить тому, что нельзя признать благо и зло за одно и то же".

II. О нравственно-прекрасномъ и гадкомъ.

„Двоякія рѣчи ведутся относительно нравственно-прекраснаго и гадкаго: одни говорятъ, что одно дѣло—прекрасное, другое — гадкое; они различаютъ то и другое какъ по имени, такъ и по существу; другіе объявляютъ, что прекрасное и гадкое одно и то же".

Тезисъ: нравственно-прекрасное и гадкое—одно и то же.

Напримѣръ: прекрасно для мальчика въ цвѣтущемъ возрастѣ отдаваться добродѣтельному любовнику, но если любовникъ его не есть нравственно хорошій человѣкъ, то это гадко. Если женщины умываются дома, это прекрасно, а въ гимназіи при состязаніяхъ—гадко [1]). Спать со своимъ мужемъ подъ прикрытіемъ стѣнъ—хорошо, а на дворѣ, на виду у людей—это гадко. Со своимъ мужемъ сходиться прекрасно, съ чужимъ противно. Для супруга точно такъ же: съ собственной женой — прекрасно, съ чужой — гадко (съ его стороны). Наряжаться, румяниться, надѣвать золотые обручи для мужчинъ гадко, для женщинъ—прекрасно, врагамъ постыдно.

Теперь я обращусь къ тому, что у различныхъ государствъ и народовъ считается нравственно-прекраснымъ и отвратительнымъ [2]). Напр., у лакедемонянъ считается приличнымъ, чтобы молодыя дѣвушки продѣлывали гимнастику безъ верхнихъ покрововъ, а я говорю: это противно нашимъ обычаямъ. У лакедемонянъ считается приличнымъ, что дѣти ихъ не изучаютъ ни музыки, ни чтенія, ни письма; у іонянъ, напротивъ, столь же неприлично не понимать всего сказаннаго.

У ѳессалійцевъ считается приличнымъ, самому ловить лошадей изъ табуна, укрощать ихъ, такъ же и лошаковъ, ловить быковъ и, убивъ, сдирать шкуру и разсѣкать ихъ на

---

[1]) Очевидно, потому что на гимнастическихъ состязаніяхъ намазывались елеемъ. Впрочемъ, нѣкоторые изслѣдователи читаютъ конецъ этого предложенія такъ:... а мужчинамъ вездѣ прекрасно.

[2]) Любопытное собраніе фактовъ этнографіи.

куски. Въ Сикеліи это считается позорнымъ и достаётся на долю рабовъ. У македонянъ считается приличнымъ, чтобы дѣвушка до замужества занималась любовью и имѣла дѣла съ мужчинами; послѣ же брака такія внѣбрачныя половыя сношенія считаются позорными. У эллиновъ одинаково позорны и тѣ, и другія. У ѳракійцевъ считается прекраснымъ, если дѣвушка татуируетъ себя, у скиѳовъ считается почетнымъ убить какого-либо человѣка, содрать съ черепа кожу и этотъ скальпъ носить предъ своей лошадью, а изъ черепа, оправивъ его въ золото или серебро, пить и дѣлать возліянія богамъ. У эллиновъ, если бы кто сдѣлалъ подобное, то съ нимъ никто не пожелалъ бы встрѣчаться въ одномъ и томъ же домѣ. Массагеты убиваютъ своихъ родителей и поѣдаютъ ихъ, и это считается приличнымъ; но если бы кто-нибудь сдѣлалъ то же самое въ Элладѣ, его бы изгнали, и онъ погибъ бы дурнымъ образомъ, такъ какъ, по общему мнѣнію, онъ совершилъ бы позорное и ужасное. У персовъ считается прекраснымъ наряжаться какъ женщинамъ, такъ и мужчинамъ, а также имѣть половыя сношенія съ матерью, сестрой; эллины это считаютъ позорнымъ, недостойнымъ. У лидянъ принято[1]), чтобы дѣвушка сначала зарабатывала деньги въ качествѣ проститутки, а потомъ выходила замужъ; у эллиновъ никто не пожелалъ бы жениться на такой дѣвицѣ. У насъ считается приличнымъ. чтобы пряли женщины, у египтянъ же прядутъ мужчины, а женщины мнутъ руками глину, мѣсятъ ногами тѣсто, что̀ у насъ исполняютъ мужчины. Я думаю, что, если бы всѣ люди въ одну кучу снесли нравственно-прекрасное, что̀ каждый изъ нихъ считаетъ таковымъ, — то, вѣроятно, въ кучѣ ничего бы не осталось, но все содержимое было бы раздѣлено между всѣми, такъ какъ не у всѣхъ одно и то же считается прекраснымъ.

Пара стиховъ. „Если бы ты испыталъ всѣ обычаи смертныхъ, то не нашелъ бы, чтобы у каждаго во всякомъ отношеніи это было прекраснымъ, а то гадкимъ. Благодаря такому обстоятельству, это бываетъ то гадкимъ, то мѣняется и дѣлается прекраснымъ. Въ пору все бываетъ прекраснымъ, не въ пору все бываетъ гадкимъ“.

Что же я этимъ разсужденіемъ доказалъ? Я обѣщалъ доказать, что гадкое и прекрасное одно и то же. Я это во всѣхъ отношеніяхъ доказалъ.

---

[1]) — какъ нынѣ въ якобы культурной Японіи.

Антитезисъ: *нравственно-прекрасное и гадкое не одно и то же.*

„Также утверждаютъ относительно гадкаго и прекраснаго, что каждое изъ нихъ отличается другъ отъ друга. Если бы мы спросили тѣхъ, кто отожествляетъ гадкое и прекрасное, совершилъ ли кто изъ нихъ прекрасное дѣяніе, они должны были бы согласиться, что это же самое ихъ дѣяніе и гадко, если только прекрасное и гадкое — одно и то же. Если они знаютъ прекраснаго мужчину, то должны согласиться, что онъ и гадокъ. Если они знаютъ бѣлаго мужчину, то должны согласиться, что онъ же и черный [1]). Конечно, прекрасно бояться боговъ—и вмѣстѣ съ тѣмъ и гадко бояться боговъ, если только прекрасное и гадкое—одно и то же.

У лакедемонянъ считается прекраснымъ, что дѣвушки занимаются гимнастикой; слѣдовательно, лакедемоняне считаютъ это же и гадкимъ, если прекрасное и гадкое одно и то же. Защитники тожества нравственно-прекраснаго и гадкаго приводятъ для примѣра кучу (см. выше) и говорятъ, что, если бы со всѣхъ сторонъ народы собрали нравственно-гадкое и затѣмъ послали людей и приказали выбрать, что̀ каждый изъ нихъ считаетъ прекраснымъ, то изъ этой кучи было бы унесено все. Но я удивляюсь, какимъ образомъ гадкое, которое снесено было въ одну кучу, вдругъ стало прекраснымъ, по крайней мѣрѣ, если бы они привели лошадей, быковъ, овецъ, людей, то ничего другого и не увели бы. Если бы они принесли золото, то, конечно, не унесли бы мѣди, если—серебро, то не унесли бы съ собою свинца. Они утверждаютъ, что вмѣсто гадкаго уносятъ прекрасное. Но посмотри, если бы кто увелъ гадкаго мужчину, то развѣ онъ увелъ бы въ такомъ случаѣ прекраснаго? Отожествляющіе нравственно-прекрасное и гадкое ссылаются на поэтовъ. Но вѣдь поэты-то сочиняютъ не ради истины, а ради снискиванія себѣ одобренія, а значитъ, на нихъ и ссылаться нечего.

III. *О справедливомъ и несправедливомъ.*

„Двоякія рѣчи ведутся о справедливомъ и несправедливомъ. Одни говорятъ, справедливое — одно дѣло, а несправедливое—другое дѣло. Другіе утверждаютъ, что справе-

---

1) **Это утвержденіе какъ-то не подходитъ подъ общее разсужденіе. Тейхмюллеръ объясняетъ, что черный — гадкій, бѣлый — прекрасный.**

дливое и несправедливое—одно и то же. Я попробую теперь доказать послѣднее. Прежде всего я докажу, что лгать и обманывать справедливо. Если такъ мы будемъ поступать съ врагами, они сочтутъ это гадкимъ и дурнымъ, но поступать такимъ образомъ (ложью и обманомъ) и съ самыми милыми для насъ существами—справедливо. Напр, если бы отецъ и мать должны были проглотить лѣкарство, но не хотѣли бы, то развѣ не было бы справедливо это лѣкарство подсыпать имъ въ кашу или питье и не говорить имъ о томъ?

Слѣдовательно, справедливо обманывать родителей. Конечно, справедливо также воровать то, что̀ принадлежитъ друзьямъ и дѣлать насиліе надъ самыми милыми намъ людьми. Вотъ, напр., если бы кто нибудь, принадлежащій къ нашему семейству, отъ скорби ли или отъ огорченія пожелалъ лишить себя жизни мечемъ или веревкою, развѣ не справедливо украсть у нихъ эти вещи, если можно? А если мы опоздаемъ и уже находимъ ихъ обладающими этими орудіями, развѣ не справедливо и отнять у нихъ послѣднія силою? Далѣе, развѣ несправедливо было бы обратить враговъ въ рабство, если бы мы могли покорить цѣлый городъ [1]). Справедливо также взламывать стѣны публичныхъ зданій города. Напр., если вашъ отецъ, побѣжденный противною партіей, содержится въ темницѣ и ждетъ себѣ казни, то развѣ не будетъ справедливо взломать стѣны тюрьмы, похитить отца и такимъ образомъ спасти его?“ Слѣдовательно, ложь, обманъ, воровство, насиліе, обращеніе въ рабство, взломъ,—всѣ дѣянія уголовнаго кодекса, предусмотрѣнныя тогдашними и нынѣшними законами, оказываются у Сапожника справедливыми.

„А клятвопреступленіе? Допустимъ, напр., кто нибудь, пойманный врагами, поклялся бы, что, если его отпустятъ, онъ предастъ непріятелю свой городъ, развѣ онъ поступилъ бы справедливо, сохранивъ вѣрность клятвѣ? Я, по крайней мѣрѣ, этого не думаю. Наоборотъ, если клятвопреступленіемъ онъ спасетъ городъ, друзей или отечественныя святыни, то это будетъ справедливо. Въ такой же мѣрѣ справедливо и ограбить храмъ. Развѣ не справедливо, если бы врагъ или чужестранецъ захотѣлъ захватить Элладу и спасеніе зависѣ-

---

[1]) Это явленіе постоянно свирѣпствовало въ Пелопонесскую войну. Даже Платонъ полагалъ, что людей (варваровъ) можно продавать въ рабство. Симонъ впослѣдствіи говоритъ, что вообще людей можно продавать въ рабство, а только эллиновъ нельзя (такъ же и Платонъ).

ло бы отъ денегъ, развѣ не справедливо, повторяю я, овладѣть сокровищами, которыя хранятся въ Дельфахъ, и употребить ихъ на войну? Конечно, такъ же справедливо и убійство родственниковъ, такъ какъ Орестъ и Алкимонъ сдѣлали это, и боги объявили, что они поступили справедливо.

Теперь я обращусь къ искусству, къ поэтамъ. Кто обманываетъ при сочиненіи трагедій и въ живописи, изображая *похожее на дѣйствительность* [1]), тотъ самый лучшій. Я приведу въ доказательство стихи старыхъ писателей.

„Зналъ я человѣка, который воровалъ, обманывалъ съ примѣненіемъ насилія, и все-таки, хотя онъ поступалъ насильственно, былъ совершенно справедливъ".

Давно еще сказалъ Эсхилъ: „И богу не противенъ обманъ со справедливою цѣлью; ложь впору иногда богъ вознаграждаетъ".

Антитезисъ: *справедливое и несправедливое есть нѣчто разное, отличающееся другъ отъ друга какъ по имени, такъ и по существу.*

„Если бы спросить того, кто утверждаетъ тожество справедливаго и несправедливаго, оказалъ ли онъ когда-либо родителямъ справедливое, то онъ долженъ былъ бы согласиться, что совершилъ по отношенію къ нимъ несправедливое [2]).

Если мы знаемъ человѣка справедливаго, то, слѣдовательно, мы знакомы съ несправедливымъ, если справедливое и несправедливое одно и то же. А если онъ несправедливъ, то долженъ умереть [3]).

Защитники тожества справедливаго и несправедливаго ссылаются на поэтовъ, но послѣдніе пишутъ стихи не ради истины, а чтобы нравиться людямъ, а потому ихъ показанія не заслуживаютъ вниманія" (см. выше).

IV. *Объ истинѣ и лжи* [4]).

„О лжи и истинѣ ведутся двоякія рѣчи. Одни говорятъ что ложная рѣчь—одно дѣло, а правильная рѣчь—иное дѣло;

---

[1]) Что то вродѣ зачатковъ аристотелевой теоріи мимезиса?

[2]) Манера доказательства, такимъ образомъ, одна и та же.

[3]) Такимъ образомъ, получается, что справедливаго человѣка слѣдуетъ казнить, если справедливое и несправедливое одно и то же.

[4]) Отожествленіе и различеніе понятій ведется чрезъ всѣ области—и нравственнаго, и эстетическаго, и логическаго.

другіе-же, что и первая, и вторая—одно и то же. Я докажу, что истина и ложь одно и то же. Когда мы держимъ какую-либо рѣчь, то рѣчь истинна, если дѣло произошло такъ, какъ мы передаемъ; если же дѣло происходило иначе, то та же самая рѣчь оказывается ложной. Напр., ты кого-либо обвиняешь въ святотатствѣ, ограбленіи храма. Если это такъ было въ дѣйствительности, то твоя рѣчь истинная,—если не было—ложная. То же самое бываетъ съ тѣми рѣчами, которыя держатъ люди, обвиняемые на судѣ, въ свою защиту; рѣчи ихъ могутъ быть приняты и за ложныя, и за справедливыя. Если бы мы всѣ сидящіе здѣсь сказали: я—Симонъ[1]),— то рѣчь была бы одна; но истинную сказалъ бы я только одинъ, потому что только меня одного изъ присутствующихъ зовутъ Симономъ. И такъ, ясно, что та же самая рѣчь, если ей присуще ложное, она ложна, если ей присуща истина, она истинна.

Но также говорятъ, что одно дѣло — ложная рѣчь, другое — истинная: онѣ различаются и по имени, и по существу.

Если бы спросить тѣхъ, кто утверждаетъ, что истинная и ложная рѣчь одно и то же: „а ваша рѣчь истинная?“ то они должны были бы согласиться (въ случаѣ утвердительнаго отвѣта), что ихъ рѣчь и ложная, если истинная рѣчь и ложная—одно и то же.

Далѣе, если кто-либо высказалъ истину и сталъ бы увѣрять въ чемъ-либо, ссылаясь на себя, какъ на очевидца, то его слова были бы ложью, если ложь и истина одно и то же. Если кто-нибудь знаетъ кого въ качествѣ правильнаго, истиннаго, то онъ знаетъ его въ качествѣ лживаго. Сообразно этому объясненію, далѣе они говорятъ, что та же самая рѣчь, если дѣло произошло такъ,—истинна, если не произошло — ложна. Такимъ образомъ сторонники тожества лжи и истины сами утверждаютъ, что та рѣчь, въ которой присутствуетъ ложь,—ложная, а если истина присутствуетъ,—истинная, значитъ для нихъ ложная рѣчь и истинная не одно и то же.

V. *О бытіи.*

„Одно и то же“, говорятъ нѣкоторые, „дѣлаютъ и безумные, и разумные, и мудрецы, и невѣжды, а прежде всего

---

[1]) Въ подлинникѣ: „Я—Мюстесъ“.

они утверждаютъ, что одно и то же и земля, и человѣкъ, и конь и т. п.“...

Они полагаютъ, что дѣлаютъ одно и то же, когда сидятъ, ѣдятъ, пьютъ, лежатъ и все пр. По ихъ мнѣнію, одна и та же вещь и больше по объему, и меньше, или болѣе тяжела, или болѣе легка [1]).

Напр. талантъ тяжелѣе, чѣмъ мина, и легче, нежели два таланта; слѣдовательно, одна и та же вещь сразу и легче, и тяжелѣе.

Одинъ и тотъ же человѣкъ и живетъ, и не живетъ, такъ какъ кто обитаетъ здѣсь, тотъ не живетъ въ Эпирѣ, а кто живетъ въ Ливіи, того нѣтъ на Кипрѣ: стало быть, одна и та же вещь и существуетъ, и не существуетъ сразу [2]).

II. Тѣ теперь, которые утверждаютъ, будто бы и безумные, и мудрецы, и невѣжды дѣлаютъ и говорятъ одно и то же, и все, что̀ изъ этого вытекаетъ, не говорятъ истины. Если кто ихъ спроситъ, различаютъ ли они безуміе отъ разумности и мудрость отъ невѣжества, то они сами отвѣтятъ: „да“; значитъ, это—вещи не одного и того же порядка. Далѣе окажется, что каждый изъ насъ дѣлаетъ и безумное и разумное въ одно и то же время. если принять ихъ точку зрѣнія.

Кромѣ того, если согласиться съ ними, возникаетъ вопросъ, кто же говоритъ, какъ должно, разумные или безумные. Они, т. е. сторонники тожества безумнаго и разумнаго и пр., на это отвѣтятъ, что, хотя безумное и разумное — одно и то же, но единственно лишь мудрецы говорятъ такъ, какъ слѣдуетъ, а безумные такъ, какъ не слѣдуетъ. Но если они утверждаютъ это, то дѣлаютъ незначительную прибавку, и, благодаря этой прибавкѣ, смыслъ получается иной. Я думаю, что вещи измѣняются не только, когда мы дѣлаемъ прибавку, но даже и тогда, когда мѣняется на словѣ удареніе, напр. Ξάνθος (рѣка въ Ликіи) и ξανθός (свѣтло-русый), Γλαῦκος (Главкъ — морское божество) и γλαυκός — блестящій, сіяющій). Въ приведенныхъ примѣрахъ измѣненіе произошло, благодаря перестановкѣ ударенія; въ другихъ случаяхъ измѣненіе зави-

---

[1]) Какъ мы видимъ, Симонъ сокращаетъ діалогъ: здѣсь онъ не дѣлаетъ введенія, а прямо приступаетъ къ тезису in medias res.

[2]) Здѣсь отголосокъ разсужденія Элейской школы Горгія, своеобразно изложеннаго.

ситъ и отъ различія короткихъ и долгихъ слоговъ, отъ перемѣны буквъ, напр., κράτος (сила, власть) и κρατός (родит. падежъ эпич поэмъ къ κάρα — голова), νέος (новый) и ὄνος (оселъ).

Если таковы результаты произведенныхъ нами перемѣнъ (хотя мы тутъ ничего не прибавляемъ и не отнимаемъ), то такое же должно произойти различіе, если мы что-либо прибавимъ или отнимаемъ? Теперь я покажу это на примѣрѣ. Если мы отъ десятка отнимаемъ единицу, десятка уже не будетъ, такъ какъ не хватитъ единицы.

Что же касается того, что одинъ человѣкъ и существуетъ и не существуетъ, то я спрошу: а вселенная тоже существуетъ такимъ же образомъ, и все такъ же существуетъ? Если кто-нибудь станетъ отрицать, что онъ существуетъ [1]), то онъ лжетъ; если же они признаютъ существованіе вселенной, они тѣмъ самымъ признаютъ существованіе отдѣльныхъ вещей.

VI. *О мудрости и добродѣтели: изучимы ли онѣ?*

Замѣтимъ, что VI-й діалогъ направленъ противъ „Протагора", діалога Платона.

„Нѣкоторые высказываютъ утвержденіе, которое не истинно и не правильно: будто бы мудрости и добродѣтели нельзя преподавать и изучать. Въ подтвержденіе своего мнѣнія они приводятъ слѣдующія доказательства: 1) невозможно было то же имѣть и у себя, разъ мы это кому-либо уже продали; 2) если бы добродѣтель была изучима, то тогда бы для добродѣтели, какъ и для музыки, должны бы были существовать просвѣщенные и готовые преподаватели; 3) если бы добродѣтель была изучима, то появившіеся мудрые люди обучили бы ей своихъ дѣтей и друзей; 4) многіе, ходившіе учиться къ софистамъ, не стали добродѣтельными, 5) многіе же изъ тѣхъ, кто совсѣмъ не имѣлъ дѣла съ софистами, сдѣлались добродѣтельными.

Я эти утвержденія (Платона?) считаю дурацкими. Во-первыхъ, я знаю учителей, которые обучаютъ желающихъ чтенію и письму, но которые и послѣ обученія все же обладаютъ и сами этими знаніями,—и учителей на киѳарѣ, которые продолжаютъ играть съ тѣмъ же успѣхомъ и послѣ уроковъ,

---

[1]) Далекій предшественникъ Декарта!

далѣе, говорятъ, что нѣтъ просвѣщенныхъ учителей для добродѣтели, а чему же учатъ софисты, какъ не мудрости и добродѣтели? что представляютъ послѣдователи Анаксагора и Протагора? Потомъ Поліевктъ скульпторъ научилъ своего сына дѣлать статуи, а если кто не обучаетъ сыновей собственному искусству, то это не есть доказательство невозможности обученія; но если такое обученіе является фактомъ, то это служитъ доказательствомъ того, что возможно обучать извѣстному искусству. 4) Они говорятъ (т. е. Платонъ), что не сдѣлались мудрыми у мудрыхъ софистовъ; однако, это доказательство неважное: многіе не научились читать и писать, хотя долго этому обучались, такъ какъ для этого необходимъ извѣстный талантъ".

Далѣе у Симона слѣдуетъ довольно неясное мѣсто, которое вызываетъ различныя толкованія; пропуская его, мы перейдемъ прямо къ заключенію.

„Я не утверждаю, что добродѣтель изучима, но я заявляю, что меня твои (Платона) доводы не удовлетворяютъ". Платонова мудрость не по плечу была бѣдному ученому сапожнику, забывшему, вопреки правилу Апеллеса, „о колодкѣ".

Разсмотримъ теперь VII и VIII діалоги. Эти діалоги не на столько выдержаны, какъ предшествующіе: въ нихъ уже нѣтъ логоса и антилогоса. Симонъ уже не разсматриваетъ вопроса съ двухъ точекъ зрѣнія, но просто излагаетъ извѣстныя мнѣнія, а потомъ наводитъ на нихъ критику.

VII-й діалогъ. *„О демагогіи или народныхъ ораторахъ"*.

Нѣкоторые народные ораторы говорятъ, что государственныя должности нужно раздавать по жребію, но они объ этомъ невѣрно мыслятъ [1]).

Спросимъ того, кто это утверждаетъ: что же ты своимъ рабамъ въ домашнемъ обиходѣ не раздаёшь работу по жребію? Напримѣръ, если кучеру выпадетъ жребій стать поваромъ, что же ты не заставляешь его стряпать, а повара сидѣть на облучкѣ? Отчего же мы не созываемъ кузнецовъ,

---

[1]) Тема несомнѣнно сократическая. Сократъ тоже возставалъ противъ избранія на государственныя должности жеребьёвкою, какъ говоритъ Ксенофонтъ.

садовниковъ, плотниковъ и ювелировъ, отчего мы не дѣлаемъ ихъ цирульниками, не заставляемъ ихъ такое искусство производить, какое каждый изъ нихъ получилъ бы по жребію, а не то, какое онъ изучалъ [1]). Точно также вѣдь можно при всякихъ состязаніяхъ избирать жеребьёвкою состязающихся музыкантовъ, пѣвцовъ, актёровъ и заставлять каждаго изъ нихъ играть то, что̀ выйдетъ по жребію. Игрокъ на флейтѣ, по этому разсужденію, долженъ бы играть на кіѳарѣ, а кіѳаристъ—дуть во флейту; на войнѣ стрѣлки и гоплиты сидѣли бы верхомъ на лошадяхъ, а всадники наоборотъ бы спѣшились, такъ что всѣ стали бы дѣлать то, чего они не понимаютъ и не могутъ.

Но они говорятъ, что выборъ путемъ жеребьёвки есть нѣчто очень хорошее и демократическое, полезное для народа.

Критика. А я это считаю чрезвычайно въ малой степени полезнымъ для народа. Въ городахъ есть люди, неблагопріятные народу, такъ что, если на нихъ падётъ жребій, они погубятъ народъ. Народъ самъ долженъ смотрѣть и избирать всѣхъ благомыслящихъ, и тѣмъ, напр., которые годятся для такого дѣла, поручать веденіе войны, или давать наблюденіе за исполненіемъ законовъ и т. д. (кончается VII діалогъ).

VIII-й діалогъ. *О наукѣ.*

Я думаю, говоритъ Симонъ, что человѣкъ однимъ и тѣмъ же искусствомъ учится говорить и коротко, и продолжительно, обстоятельно, и знать истину вещей, и хорошо судить, и подавать совѣты народу, и знать риторику, и учить относительно природъ всѣхъ вещей, какъ онѣ теперь существуютъ и какъ возникли:

1-е. Кто имѣетъ пониманіе относительно природы всѣхъ вещей, какъ же тотъ не будетъ въ состояніи вѣрно судить объ нихъ во всѣхъ отношеніяхъ?

2-е. Далѣе, кто понимаетъ искусство слова или риторику, тотъ, конечно, относительно всѣхъ вещей будетъ гово-

---

[1]) Симонъ старается доказать мысль, что занятія въ обществѣ, государствѣ, должны соотвѣтствовать подготовкѣ. Мысль глубокая, вполнѣ сократическая, проведенная болѣе принципіально Платономъ въ его „Государствѣ“: всякій дѣлаетъ свое дѣло, а принадлежность данному субъекту извѣстнаго дѣла рѣшается его знаніемъ (τὰ ἑαυτοῦ πράττειν).

рить правильно, потому, что кто хочетъ говорить правильно, тотъ долженъ говорить относительно такихъ вещей, которыя онъ понимаетъ. Но онъ (риторъ) будетъ понимать искусство относительно всѣхъ рѣчей, а всѣ рѣчи относятся ко всему, что̀ существуетъ. Но кто хочетъ говорить правильно, тотъ долженъ понимать тѣ вещи, о которыхъ хочетъ говорить и поучать. Конечно, если онъ это знаетъ, тогда онъ будетъ знать и противоположное тому—онъ вѣдь всё будетъ *знать*, а это, т. е. различіе добра и зла относится ко всѣмъ, (Далѣе онъ переходитъ отъ знанія къ дѣйствію).

Точно такъ же такой человѣкъ будетъ *дѣлать* все то, что̀ подобаетъ. Если бы онъ даже не понималъ, напр., то все-таки онъ долженъ будетъ дуть во флейту, если на него случайно падетъ обязанность это исполнять. (Смыслъ такой—разъ онъ правильно говоритъ о чемъ-либо, слѣдовательно, онъ понимаетъ это, а разъ понимаетъ, то и исполнитъ свои обязанности. Онъ всетаки, если бы даже практически не былъ игрокомъ на флейтѣ, долженъ знать, какъ это дѣлается). Кто умѣетъ произносить сужденіе, тотъ долженъ хорошо понимать справедливое, ибо къ этому относится судейская обязанность (присяжнаго, геліаста), если же это онъ понимаетъ, то онъ будетъ понимать и противоположное тому, или различное отъ этого. Но онъ долженъ знать всѣ законы, ибо, если бы онъ не зналъ дѣяній, какъ что дѣлается, то, конечно, онъ не зналъ бы законовъ. Вѣдь въ музыкѣ законъ дѣлаетъ тотъ, кто музыку понимаетъ, а кто не понимаетъ, тотъ не знаетъ ея закона. Ибо, если кто относительно всѣхъ вещей имѣетъ правильное пониманіе, тотъ можетъ легко судить, если его спросить, умѣетъ ли все дѣлать, стало быть, онъ долженъ все знать. (Далѣе говорится о мнемоникѣ). Въ качествѣ величайшаго и прекраснѣйшаго изобрѣтенія найдено для жизни искусство мнемотехники. Для всѣхъ она годится: какъ для риторической филесофіи, такъ и для житейской мудрости.

Правила ея таковы: 1) ты долженъ быть внимателенъ, благодаря этому, всегда ты въ мысли пріобрѣтешь большую ясность; во-вторыхъ, ты долженъ упражняться въ сказываніи того, что̀ ты разъ слышалъ, такъ какъ то обстоятельство, что ты часто одно и то же слышишь, говоришь, укрѣпляетъ тебѣ память; далѣе, если что-либо слышалъ, то ты долженъ все положить на своемъ мѣстѣ, т. е. расположить по мнемонической топикѣ; напр., тебѣ нужно запомнить „Хризиппъ"

(хризо̀съ—золотой, ги́ппосъ – лошадь). „Ты будешь располагать это имя при „золотѣ" и „лошади". Другой примѣръ: Пюрилампесъ, „Пюръ" — „огонь", другое — „блескъ", отсюда — при „огнѣ" и „блескъ". Такъ запоминаются собственныя имена.

По существу вещи запоминаютъ слѣдующимъ образомъ. На счетъ храбрости вспоминай Ареса и Ахиллеса. Если что придется относительно мѣдной работы, помни Гефеста, относительно трусости помни—Гепейоса и т. д.

Мы ознакомились съ довольно примитивными произведеніями Симона Сапожника. Я указывалъ уже, что авторство его не вполнѣ доказано, но доказано, что діалоги эти, кому бы они ни принадлежали, всетаки относятся къ періоду первоначальной сократики. Къ сожалѣнію, этотъ свидѣтель о Сократѣ очень слабъ въ отношеніи своихъ дарованій и въ образованіи. Но для насъ интересны и важны его діалоги въ томъ отношеніи, что въ нихъ мы видимъ, какъ преломилась философія Сократа среди людей *обыкновенныхъ*. Какъ преломилась она у Платона и у высокообразованныхъ людей, какъ Ксенофонтъ, мы уже знаемъ. Теперь же мы познакомились, какъ преломилась эта философія въ сознаніи людей малаго образованія.

Удивительный человѣкъ былъ Сократъ: *всѣ* что-нибудь да извлекали изъ его бесѣды. Каждому онъ далъ нѣчто такое, что̀ измѣняло направленіе его жизни, возвышало и дѣлало его болѣе нравственнымъ.